

Август Мюллер

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

С ОСНОВАНИЯ ДО НОВЕЙШИХ ВРЕМЁН

том II

Книги III, IV и V

Август Мюллер

**История ислама с основания
до новейших времён. Т. 2**

«Остеон-Групп»

1892

УДК 297
ББК 86.38

Мюллер А.

История ислама с основания до новейших времён. Т. 2 /
А. Мюллер — «Остеон-Групп» , 1892

ISBN 978-5-85689-195-8

Второй том фундаментальной монографии Августа Мюллер посвящен всестороннему исследованию жизни и деятельности первых халифов от Омейядов до Фатимидов и заканчивается концом династии Аббасидов.

УДК 297
ББК 86.38

ISBN 978-5-85689-195-8

© Мюллер А., 1892
© «Остеон-Групп» , 1892

Содержание

Книга третья Омейяды	5
Глава I. Му'авия	5
Глава II. Вторая междоусобная война	23
Глава III. Процветание династии и второй период завоеваний	48
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Август Мюллер

История ислама с основания до новейших времён. Т. 2

Книга третья Омейяды

Глава I. Му'авия

Отречение Хасана – Му'авия халиф. – Му'авия и Зияд – Деятельность Зияда по управлению на востоке. – Борьба правительства с хариджитами. – Му'авия и положение дел на западе. – Развитие племенного партикуляризма. – Управление. – Война с византийцами. – Опустошение Малой Азии; осада Константинополя. – Походы Укбы в Северную Африку. – Завоевания тюркских земель на востоке. – Признание Язида наследником; вынужденная присяга.

Как удар грома известие о смерти Алиа поразило воинов Ирака; мгновенно, словно молния, оно осветило все окружающее и открыло у ног присутствующих зрителей бездну. Давно уже надвигавшееся, но по нерадивости и необдуманности казавшееся все еще в громадной дали предстоящее подчинение ненавистному сирийцу представилось ныне внезапно перед населением Куфы в крайне тревожной близости. Не без раскаяния пришлось им вспомнить о своем неповиновении и упрямстве, благодаря которым храбрый халиф был лишен плодов своих усилий, а смертельный враг помимо их воли обрел действительную поддержку. Роковой момент наступил: вся масса в 40 тыс. воинов, собранная Алием в момент его смерти под предводительством верного Кайса ибн Са'да, горела боевым пылом помериться силами с новыми полчищами Му'авии, грозившими вторгнуться в Месопотамию. Удержать наступление неприятеля действительно было как раз впору. Но, увы, у войск, отказывавших прежде в повиновении властителю, не стало повелителя. От дочери пророка осталось у Алиа два сына – аль-Хасаниаль-Хусейн и много детей от других жен. Хасан был старшим, войско присягнуло ему немедленно же после кончины его отца. Но это был совершенно бесхарактерный человек, причем чрезмерная набожность его сливалась с нерадением и необыкновенно развитой чувственностью; его и прозывали в насмешку аль-Митлак – «расторгатель браков»: он довольствовался постоянно четырьмя законными женами, но при этом поминутно разводился то с той, то с другой и брал себе новую. Таким образом в общем итоге у него перебивало до семидесяти жен. Одним словом, молитва и гарем были единственными предметами, которые имели в его глазах первостепенное значение. Весьма вероятно, что тотчас же по принятии присяги он завязал переговоры с Му'авией: как говорят, послал к нему письмо с условиями, на которых соглашался отказаться от халифата в пользу противника, одновременно же Му'авия послал чистый лист за своей подписью в знак того, что заранее согласен на все его требования. Оба письма дошли по назначению. Но когда Хасан, несколько не стеснясь, выставил на бланке новые условия, втрое превышавшие первоначальные, Му'авия заупрямился и не пожелал дать более того, что было выговорено соперником вначале. Хасану пришлось уступить. Он, впрочем, не был обижен: ему обещали 5 млн. дирхем, великолепный годовой оклад и обеспечение жизни и имущества всех его родственников. Пока тянулись переговоры, сирийцы успели уже вторгнуться в Ирак. Меж тем Хасан, в самом еще начале, покинул Куфу с войсками, переправился через Евфрат и Тигр и отступил к Мадайну, а чтобы раньше времени не возбуждать в войсках неудовольствия, выслал против приближавшихся

сирийцев Кайса с 12 тыс. человек, сам же с большей частью войска откладывал со дня на день выступление. У Мескина, в 10 милях на северо-запад от Мадайна, сирийцы столкнулись с Кайсом; без сомнения, один он не мог выдержать натиска значительно превышавших сил противника. Между тем в главном лагере распространился слух, что любимый полководец разбит и пал в стычке. Негодование воинов обрушилось на женоподобного, сохранявшего один призрак власти, халифа; палатку его разграбили, а он сам спешно бежал в город. Оставшееся без предводителя войско быстро рассеялось. Вскоре затем и Кайс был вынужден (начало 41=661) прекратить дальнейшее сопротивление. Но этот истинно мужественный человек отклонил все блестящие предложения Му'авии. Таким образом, в короткое время, без пролития капли крови, весь Ирак очутился во власти сирийцев. Хасан и Хусейн вынуждены были своим присутствием в Куфе как бы узаконить неохотно данную народом присягу смертельному врагу покойного их отца, а затем удалились в Медину. Здесь Хасан до самой смерти¹ своей, последовавшей, вероятно, в 49 г. (669), проводил жизнь без определенной цели. Если не считать расточаемых им вокруг себя благодеяний, восхваляемых столь многими, он ушел, собственно, весь в созерцательное ничегонеделание. Брат его, по природе энергический и предприимчивый, ничего не мог предпринять. Ему оставалось выжидать, не придет ли когда-нибудь и его черед.

Тщетные надежды, и на долгие годы. Му'авия (41 – 60=661–680), признанный ныне повсеместно без сопротивления халифом, умел твердо и мудро ограждать свое владычество. Основным его правилом было: все делать, что было в силах, для своих друзей, по отношению же к неприятелям, если только была возможность, добродушно привлекать их на свою сторону или же беспощадно и всеми возможными средствами бороться с ними до полного их истребления. Он был представителем классической методы управления, приемы которой характеризуются словами: «милость либо плеть». При известных обстоятельствах такой образ действия давал самые прекрасные результаты и на Западе, а на Востоке, судя по бывшим примерам, он был единственно действенным. Прежде всего, по возможности старался он перекинуть всякому, кто только в этом ощущал потребность, золотой мостик. Двоюродному брату Алия и давнишнему, хотя под конец и разошедшемуся с ним другу, ибн Аббасу оставлены были беспрекословно значительные государственные суммы, которые тот незадолго до смерти Алия позаботился присвоить себе. Стоявшему в стороне со времени умерщвления Османа Мугире ибн Шубе вручено было наместничество в Куфе. Даже наместника Алия в Фарсе, Зияда новый халиф успел переманить на свою сторону. Вначале тот отказался было признать власть нового правителя и даже при помощи хариджитов возбудил через своих сыновей восстание в Басре: но полководец Му'авии, Буср ибн Арта, усмирил бунтовщиков и взял в плен сыновей Зияда. Мудрый халиф воспользовался этим обстоятельством, чтобы подействовать на упряма: он не дозволил Буеру казнить их и возложил на Мугиру в 42 г. (662) поручение переговорить лично с их отцом и попытаться разными уступками привлечь его на свою сторону. Мугира издавна был в дружеских отношениях с Зиядом. Еще в 17 г. (638) при Омаре он избавил Зияда от тяжкого наказания по поводу одного очень неприятного скандального процесса, дав в пользу его уклончивое показание. Оба они не отличались высокой нравственностью, но зато почитались всеми за людей тонких и замечательно способных администраторов. Мугира приехал к нему для личных переговоров в Фарс, а затем Зияд отправился в Дамаск. Не особенно нравилась Му'авии манера наместника Алия, с какой он распоряжался государственной кассой, но теперь он утвердил без спора

¹ Существует очень распространенное предание, что Му'авия приказал его отравить, но оно во всех отношениях неверно и происходит из одного и того же стремления приписывать Омейядам всевозможные злодеяния. Му'авии нельзя было ждать никакой выгоды от смерти ничего не значащего Хасана. Наоборот, она должна была быть для него в высшей степени нежелательной, ибо отныне главенство в семье пророка переходило к Хусейну. А от последнего Му'авии ничего хорошего нельзя было ждать, и это он понимал ясно, судя по дальнейшим его действиям.

все счета, ему представленные, и даже милостиво произнес: «ты самый надежный из всех моих наместников».

О чем, собственно, велась беседа между хитрым халифом и, пожалуй, еще более лукавым Зиядом – осталось неизвестным, но легко было уразуметь ее содержание по следовавшим затем событиям. В 45 г. (665) сверх Фарса Зияд управлял Басрой, персидскими восточными провинциями и аравийским берегом Персидского залива: в 50 г. (670) поручено было ему заведывание Куфой, т. е. высшее управление всеми областями на восток от Сирийской пустыни. Наконец, в 53 г., наместник смело пишет халифу: «В правой моей руке держу я для тебя Ирак, но левая свободна, дай же и ей работу – ну хоть Хиджаз». И Муавия нисколько не затруднился даровать ему просимое. Еще более поразительно известие, что уже в 44 г. (664) Зияд признан официально братом Му'авии. Темная вообще история. Мать Зияда, Сумаия, была рабыней – одни говорят, в замужестве за рабом Убейдом, а другие – в сожительстве. Так или иначе, его обыкновенно не называли Зияд Ибн Убейд², а Зияд Ибн Сумайя или Зияд Ибн Абихи, т. е. Зияд, сын своего отца³. Теперь вдруг нашелся харчевник из Таифа и еще другие, тоже не особенно почтенные люди, показавшие, что отцом его был Абу Суфьян. Во всяком случае, так как он не мог родиться в его доме, то по прямым указаниям Корана ни в каком случае нельзя было допустить признания его сыном Абу Суфьяна. Но Муавия, ради любезного народа своего ежедневно прочитывавший по главе из священной книги, предстоя по пятницам на молитве в большой мечети в Дамаске, а раз даже в качестве халифа совершивший паломничество в Мекку, сам лично придавал вообще немного значения сути писания; поэтому ему ничего не стоило, наперекор закону, обзавестись новым братцем. Смысл этого необыкновенно позднего признания ни для кого не был таинственным: Му'авия давно уже решился даровать Зияду, в той или другой форме, право на преемство по управлению халифатом или, по крайней мере, на продолжительное соуправление. Но Зияд скончался в 53 г. (673), задолго до смерти Му'авии, и поэтому предполагаемый момент исполнения обещанного не мог наступить. Так что в данном случае излишни все догадки о том, насколько серьезны были намерения халифа и как вообще думал он их осуществить.

Во всяком случае, в 50 г. (670) Му'авия предоставил так называемому братцу своему всю восточную половину государства в полное, независимое управление, после того как незадолго перед тем тот зарекомендовал себя в качестве администратора Басры самым блестящим образом. Должность эта, несомненно, была самая трудная во всем государстве. Многочисленные приверженцы Алиа в Куфе не были опасны, пока Хасан, официальный глава семьи пророка, жил в мире с правительством. В Басре же было совсем не то. Весь южный Ирак и Хузистан кишмя кишели хариджитами; для них Му'авия, благодаря своим решительно мирским воззрениям, был, понятно, далеко невыносимей, чем прежде Алиа. Оба первые наместника, правившие в Басре с 41 по 45 (май 661 – март 665), не сумели подавить мятежного духа. Хотя каждое отдельное восстание пуритан было укрощаемо, но они беспрерывно возобновлялись и угрожали, особенно в 43 г. (663), широко разлиться. Прибыв в Басру в 45 г. (665), Зияд порешил сразу принять крутые меры. Рядом строжайших приказов, для наблюдения за исполнением которых создан был отдельный отряд из 4000 полицейских солдат, вскоре восстановлено было общественное спокойствие в самом городе, обуреваемом доселе смутами и беспорядками. В первый раз свободолюбивого араба сковывали ограничительными мерами; отдан был приказ – никому не появляться после солнечного заката на улице под угрозой смертной казни. Зияд проводил свои меры беспощадно; обезглавлен был один бедный бедуин, которому последнее распоряжение было неизвестно; он преспокойно пригнал поздно вечером в город свой скот на убой; никакие оправдания не принима-

² То есть Зияд, сын Убейда.

³ Такое выражение означает, что неизвестно в точности, кто был отцом данного лица.

лись, ибо имелось в виду восстановить во что бы то ни стало спокойствие всего населения области. Где бы ни появлялся в стране хариджит, его неумоимо преследовали, а сопротивление подавлялось с крайней жестокостью. Конечно, нельзя верить безусловно всему, что передают позднейшие историки о Зияде. Из него сотворили они поистине сатану в человеческом образе: и здесь можно подметить постоянное стремление представлять в возможно неблагоприятном свете все, что делалось при Омейядах ради их пользы, всякого же восставшего против их владычества – прославлять в образе ни в чем не повинного мученика. И в самом деле, может ли существовать правление, которое терпело бы открытое заявление убеждений, клонящихся к ниспровержению прочного государственного порядка. Если же средства, которыми пользовался Зияд, – попросту сказать, неизменно употребляемая им мера обезглавления применялась им доселе в необычайных размерах, то главной причиной, в конце концов, было то, что с гибелью Алия и победой мирской партии стало уже немыслимо патриархальное управление первых халифов. Одно из двух главных течений должно было отныне главенствовать, другое – добровольно подчиниться или же подвергнуться беспощадному гонению. В то время как Му'авия продолжал среди своих сирийцев вести старинную милостиво дружелюбную политику обхождения со старейшинами своих испытанных верных, там, где приверженцы Омейядов оказывались в меньшинстве, добровольное повиновение правоверных мусульман по необходимости заменялось принужденным подчинением их светской власти государственного управления. Образцы подходящих к этому приемов Зияд имел случай позаимствовать у персов, в бытность свою наместником Фарса. Арабские писатели нападают особенно на то, что он был первый, перед которым выступили телохранители, вооруженные копьями и жезлами, а кругом двигалась толпа придворной стражи: это было начало подражания порядкам, существовавшим при старинных азиатских деспотах; к ним слишком привыкли в персидских исконных провинциях, они не выходили отчасти из употребления и после вторжения арабов. В истории слишком часто повторяется подобное явление: мало цивилизованные покорители неизменно приспосабливаются к высшей культуре покоренных и постепенно перенимают как преимущества, так и теневые стороны ее. И арабы добивались незатрагиваемого никакими смутами партий государственного порядка; они не нашли ничего лучшего, как позаимствовать прямо персидские учреждения, которым принесено было в жертву драгоценнейшее достояние их – свобода. Мы уже ознакомились достаточно с порядками среди бедуинов, а среди населения Басры и Куфы самочувствие независимого воина поднялось еще выше. Не остается поэтому ни малейшего сомнения, что проведение здесь, так сказать, внешнего государственного порядка, построенного не на историческом преемстве, обоснованного лишь политической необходимостью, заимствованного притом извне, могло осуществиться только благодаря применению беспощадной строгости управления. Само собой разумеется, ввиду внезапного возникновения такого последовательного государственного принуждения озлобление иракцев возросло до такой высокой степени, что ежеминутно угрожало при первом удобном случае опасным взрывом. Но жаловаться на это едва ли могли люди, со времен еще Омара доказывавшие почти ежедневно, что не желают повиноваться патриархальному правлению. Всем им начинало даже казаться, руководствуясь довольно неосновательными рассуждениями, что сам Алий будто бы пожелал их подчинения сирийскому владычеству: зачем же не сумел он ввести между ними строгую дисциплину? Поэтому, если все позднейшие известия переполнены разного рода ужасными рассказами, посвященными описанию отвратительных образчиков жестокости и кровожадности Зияда, нам следует придерживаться одного значения этого управления, о чем не умалчивают одновременно и эти самые историки. При нем первом, повествуют они, окрепла правительственная власть, владычество Му'авии распространилось твердо. Он понуждал народ к повиновению, усердно наказывая и обнажая меч: хватали по малейшему недоверию, наказывали по подозрению. Во все время его управления люди боялись его, как

огня, пока не дошло до того, что везде воцарилось спокойствие. Случись мужчине либо женщине потерять что-нибудь, никто не осмеливался дотронуться до вещи, пока не придет владелец и не подымет ее. Жившие отдельно женщины могли проводить ночь покойно, не запирая дверей. Сам он, как рассказывают, впоследствии говаривал: «Если кто потеряет веревку по дороге отсюда в Хорасан, моих ушей не минет, кто ее поднял». Был это человек порядка во что бы то ни стало: однажды оба начальника его полицейского отряда, предшествовавшие ему с копьями, стали в шутку задира́ть друг друга. Он увидел и приказал одному из них сдать оружие, а другого уволил в отставку. В 50 г. (670), когда вся иракская область перешла в его управление, столица перенесена была в Куфу. Вслед за своим прибытием, собрал он, как рассказывают, общину в мечеть: так делали обыкновенно в подобных случаях. Наместник взошел на кафедру и после обычных славословий, обращенных к Богу, произнес следующее: «Вот что приходило мне в голову в бытность мою в Басре. Я предполагал явиться посреди вас окруженный 2000 басрийских полицейских солдат. Но потом я раздумал. Ведь вы – народ степенный, давно уже все непристойное устранено нынешним благоустройством. Вот и пришел я к вам с одними моими домочадцами. Мне остается возблагодарить Господа за то, что он меня возвысил в то время, когда люди хотели меня устранить, и сохранил тогда, когда меня хотели покинуть». В подобном же духе продолжал он свою проповедь до конца. Некоторые недовольные стали швырять камнями в кафедру. Он преспокойно уселся, выжидал терпеливо, когда перестанут. Потом подозвал некоторых из своих приближенных и приказал им никого не выпускать из ворот мечети. Обратясь затем к общине, возвестил громовым голосом: «Слушайте меня, беритесь во время молитвы за руку соседа. Помните, никто не посмеет ответить мне: не знаю, кто был мой сосед». И продолжалось общее моление. По окончании поставлено было для Зияда кресло у врат мечети; к нему подходили одни за другими рядами по четыре человека. Они должны были поклясться Аллахом, что никто из них не бросал камнями. Кто поступал так, мог уходить спокойно, кто же не соглашался на клятву – того связывали и отводили в сторонку, пока не набралось их человек 30: тут же на месте он приказал отрубить им руки. «Клянусь Господом, – добавляет очевидец, сообщивший это известие, – нам никогда и в голову не приходило перед ним солгать, а что он сам возвещал, будь это хорошее или дурное, всегда исполнял». По одному этому легко судить, какой цельный человек был этот Зияд; он знал вполне, чего хотел, действовал напролом, а начатое доводил всегда до конца. Как в Басре хариджитов, так теперь и в Куфе он усмирил шиитов. Между тем значительное приращение их возбуждало немалые опасения: вот почему каждого по одному подозрению в тайной приверженности к семье Алиа немедленно же хватали. Несчастному предоставлялось на выбор: или проклясть Алиа, или же умереть. До нас дошли, однако, весьма обстоятельные данные, что в обеих этих местностях, бывших ареной жесточайших преследований, наместник тогда только принимался за строгость, когда кроткие убеждения не приводили к желаемым результатам. Нам известно, например, что хариджиты с умеренными убеждениями, подчинявшиеся добровольно владычеству Омейядов, всегда были оставляемы им в покое; даже некоторым из них предоставлялись места в управлении. Точно так же несомненно, что он тогда только накинудся на шиитов Куфы, когда они, невзирая на все его предостережения и дружественные напоминания, продолжали на тайных своих собраниях составлять заговоры против существующего порядка вещей.

Во всяком случае, результаты его управления были самые блестящие. Как в главных городах, так и по провинциям он не только завел образцовый порядок и восстановил всеобщую безопасность, столь поразительно отличавшуюся от прежней распушенности, но также и в финансовом управлении водворил порядок и уничтожил то печальное расстройство, которым оно особенно славилось при Алиа. Его искусство управлять опиралось не на одну только саблю. Благодаря своему дальновидному политическому такту, он производил обширные опыты и всячески старался привязать к себе умеренные элементы населения,

пролагая неусыпно между крайними партиями среднее направление течения дел, многочисленные приверженцы которого мало-помалу становились твердой опорой для правления. Под сильным давлением его полицейских мер даже среди хариджитов произошел раскол. Рядом с неуклонными фанатиками, решившимися уступать лишь одной силе, в глазах которых не принадлежавшие к их секте мусульмане почитались самыми опасными и достойными осуждения неверующими, еще более, пожалуй, чем иудеи и христиане, постепенно начали появляться более рассудительные люди. Они хотя и продолжали держаться крепко за свое пуританское учение о сменяемости нечестивого халифа, но при этом допускали, что не всякий правоверный, во всем остальном мусульманин, заслуживает за одно лишь отрицание этого положения осуждения и должен быть преследуем и истребляем в священной войне подобно язычнику. Такие более кроткого настроения люди могли легко ужиться в мире среди остальных мусульман и даже вступать в сношения с ними, чего крайняя партия положительнейшим образом не желала допускать. Еще важнее искусно посеянного разномыслия среди хариджитов, попутно со снисходительной терпимостью к умеренным, было следующее обстоятельство: Зияд принял решительные меры, чтобы склонить на сторону правления тех из староверующих в роде мединцев, которые в других провинциях неизменно оставались в неприязненных отношениях к Омейядам. Все так называемые сотоварищи пророка и другие, кроме хариджитов и шиитов, набожные люди, проживавшие в Басре и Куфе, могли быть уверены, что встретят у наместника не только наружный почет, но и предупредительную поддержку. Всякое разумное требование, касающееся личного их интереса, исполнялось беспрекословно. Весьма знаменателен следующий рассказ. Раз Зияду вздумалось приказать через своего прислужника призвать к себе Хакама. Наместник пожелал видеть Хакама Ибн Абу'ль-Аса, брата уважаемого пророком человека из племени Сакиф, бывшего прежде помощником правителя в Таифе, а затем переселившегося в Басру. Прислужник же вообразил, что господин требует Хакама Ибн Амра, из племени Гифар, еще более «уважаемого сподвижника» посланника Божия, при жизни пророка почти постоянно находившегося при нем. Слуга привел последнего к Зияду. Наместник принимает его, конечно, весьма любезно, рассыпается в комплиментах, величает почтеннейшим человеком, удостоившимся отличия быть товарищем посланника Божьего, и предлагает ему намеченный было для его тезки значительный пост наместника Хорасана, приговаривая шутливо: «Тебя-то я, признаться, не имел в виду, но Аллаху благоугодно было вспомнить о тебе!» Вообще Зияд раздавал охотно высшие должности сотоварищам пророка. Ни разу, впрочем, не случилось, чтобы он имел основание быть недовольным их деятельностью. Даже не особенно склонные к Омейядам могли здесь, на персидской почве, уразуметь, что во всех отношениях было нерасчетливо тратить силы Аравии в междоусобных войнах, тем более что персы не усвоили еще привычки переносить покорно ярмо победителя. Благодаря всему этому в Басре и Куфе староверующие, в противоположность шиитам Алиа, постепенно стали менее чуждаться сирийского центрального управления, и двор в Дамаске с своей стороны начинает обращаться с ними с возможной снисходительностью, почитая в них главных представителей арабского владычества на персидской почве. А впоследствии, когда глубоко укоренившаяся ненависть между сирийцами и Мединой привела в конце концов во время позднейшей междоусобной войны к бешеному штурму города пророка и истреблению его населения, к тому самому времени в Ираке образовалось новое гнездо набожных людей. Они усердно занимались распространением, собиранием и сохранением известий о жизни и суждениях пророка и положили своими трудами прочное начало теологическим, а в особенности научным изысканиям мусульманского мира. Через это самое и явилась возможность духовного развития, которое по приводимым нами уже выше основаниям именно здесь по преимуществу нашло более благоприятную почву и развернулось до известного возможного расцвета средневекового образования на Востоке.

Таким образом, административная деятельность Зияда, если взглянуть несколько повнимательнее, представляется совершенно в ином свете, чем ее изображали позднейшие историки. Но по продолжительности своей, конечно, она была слишком недостаточна, чтобы упрочить свое влияние повсюду и на возможно долгий период. Сколь мало фанатики хариджиты были склонны признать себя побежденными, обнаружилось, например, еще при жизни этого страшного наместника: лишь только переселился он в 50-м г. (670) в Куфу, некоторые из самых опасных фанатиков взбунтовались в Басре, убивая в самом городе всех встречаемых. Заместитель Зияда, Самура Ибн Джундаб, был, положим, столь же энергичен, как и он сам: восстание было потушено кровавой расправой; множество известнейших хариджитов казнено, а еще большее число их посажено в тюрьмы. Спустя некоторое время по смерти Зияда (53=673) Самура отозван был с поста. Вскоре затем (55=декабрь 674) был назначен наместником в Басру сын Зияда, Убейдулла; он имел неосторожность выпустить на волю всех плененных хариджитов. Как кажется, новый наместник питал надежду этой необычайной мерой кротости привлечь их на сторону правительства. Но так как, весьма понятно, сидели по тюрьмам именно самые ревностные из крайних, то они и не подумали раскаться. Напротив, сразу же и везде хариджиты стали подкапываться под него и при всякой возможности затевать возмущения. Пришлось и ему обратиться к мерам строгости, даже превзойти своего отца в жестокости. Все усиливающийся пыл преследования подстрекал сектантов к большему и большему ожесточению; мечу палача противопоставляли они кинжал убийцы. В скором времени Убейдулле трудно было найти кого-либо, решавшегося казнить хариджита, — ибо после каждой казни находили на другой же день, где-нибудь в уединенном месте, труп того, который согласился исполнить смертный приговор. В позднейшую эпоху писатели вспоминали не без пафоса об этом упорном и мужественном поведении хариджитов в тяжкую годину угнетения их. Особенной славой покрыта история Абу Билаля Мирдаса Ибн Удаии, которого схватили раз вместе с толпой других единомышленников. Чрезвычайная его набожность и рвение к молитве произвели необыкновенно сильное впечатление на тюремщика, тот дозволил ему при наступлении ночи уходить из темницы, дабы тайно навещать свою семью, с обязательством возвращаться назад ранним утром. У Мирдаса был друг, часто имевший доступ к приближенным Убейдуллы. Раз вечером услышал он, что наместник, говоря о пойманных хариджитах, объявил свое намерение перебить всех их на следующее утро. Друг спешит в жилище Мирдаса, сообщает родственникам его печальное известие и советует: пошлите в темницу известить Абу Билаля, пусть напишет завещание, я вам говорю — ему недолго жить. Мирдас прислушивается к словам знакомого, укрывшись в соседней комнате. В то же самое время известие достигло и тюремщика. Можно себе представить, какую тревожную ночь провел бедняга, опасаясь, как бы Мирдас не узнал о приказании и не убежал. Но когда наступило положенное время возвращения, пленный своевременно вернулся в тюрьму. На вопрос тюремщика: «А ты ничего не слышал про приказ эмира?» — узник ответил просто. — «Как же, знаю». Пораженный собеседник невольно воскликнул: «И ты все-таки пришел?» А тот возразил: «Конечно, не мог же я за твое доброе дело подвести тебя под наказание». Когда Убейдулла в то же самое утро приказал привести хариджитов и стал казнить одного за другим, пал перед ним на колени тюремщик, старый слуга дома Зияда, воспитавший Убейдуллу и взмолился: подари мне этого! При этом он рассказал всю историю. Просьба была уважена, Мирдаса помиловали. Лишь только очутился последний на свободе, тотчас же покинул Басру и возбудил новое восстание в Хузистане. Пришлось выслать против него войска, шайку рассеяли, а сам он укрылся в маленьком местечке в провинции (58=678). Там он тихо прожил несколько лет, но уже в 61 (680/1) снова затеял борьбу с местными властями и был убит в первой стычке. Хотя подобное дикое упорство, с которым эти люди держались так крепко за свои основные положения, и бесстрашие, с коим они боролись за них, не предвещало ничего хорошего в будущем, нельзя, однако, не принять во вни-

мание, что круг их действий был сравнительно невелик, что смуты, в большинстве случаев не разраставшиеся широко, подавляемы были и скоро, и основательно; а потому рядом с цветущим общим положением государства в правление Му'авии они были едва заметны. Если же перс и житель Ирака должны были волей-неволей под управлением Зияда и Убейдуллы не нарушать мира, то халифу в его западных провинциях было совсем нетрудно, особенно благодаря его природным способностям, пользоваться благоприятными обстоятельствами и мудро и прозорливо укрепить узурпированную власть. Один арабский историк характеризует его следующим образом: «Муавия был человек предусмотрительный, хитрый, а когда желал приобрести друга, становился щедрым, несмотря на великую бережливость во всем, касавшемся его лично. Часто говаривал он сам: «Мне не нужно меча там, где достаточно плети, и ее также не нужно в таком деле, где можно обойтись словом... А если между мной и кем-нибудь хотя ниточка существует, я стараюсь ее не обрывать». Когда же у него просили объяснения, он отвечал: «Если тот понатянет, немного ослаблю; отпустил он – я подтяну». Услышит ли про кого халиф, что дурно о нем отзывается, тотчас же принудит его подарком замолчать, а если не унимается – подставит ему ловушку: пошлет на войну, заставит его командовать авангардом. Вообще в основании всех его поступков следует искать – обман и хитрость». Равно замечательно и другое признание, приписываемое ему самому. Раз обратился к нему неизменный его сотоварищ в стольких предприятиях, Амр Ибн Аль-Ас: «Никак не могу взять в толк, храбр ты или же трус. Вижу, идешь вперед напролом, ну и рассуждаю сам с собой: а захотелось таки и ему подраться – а ты опять потянул назад; поневоле скажешь: норовит бежать». Му'авия отвечивал: «Клянусь Создателем, никогда не нападаю, если не считаю наступление полезным, и не отступлю, если не найду это благоразумным. Помнишь, что говорил поэт: смотря по обстоятельствам я храбр, и трус, коли успех мне не улыбнется». Очень жаль, что образ этого замечательного человека слабо выяснен с лицевой стороны; другая же, в обрисовке аббасидских историков, представляющая его человеком, потерявшим всякую совесть, не отступающим ни пред каким средством, коварным извергом, пускающим в ход яд и кинжал для устранения всякого препятствия, по меньшей мере сильно преувеличенная карикатура. Положим, справедливо, что он приказал отравить Малика; может быть, также не без основания приписывают ему внезапную смерть Абдурахмана, наступившую так кстати для халифа; но во всех остальных случаях слишком очевидна неосновательность возводимых на него обвинений подобного рода. Что же касается слуха о том, будто бы находившийся при нем врач христианин постоянно имел наготове для неприятелей властелина целую аптечку с приготовленными ядовитыми снадобьями, то это, несомненно, гнусная выдумка. Надо полагать, был халиф холодным политиком и потому не особенно страшился пускать в ход какие угодно средства для достижения признаваемых им за необходимые целей. Но он был положительно далек от страстной необузданности, а тем более бесцельной жестокости. Все, что мы знаем о нем, замечательно напоминает облик Ришелье, особенно если взглянуть на него как на тонкого дипломата, изобличающего в нем тип выдающегося государственного деятеля.

В западных провинциях халифата дело стояло несколько иначе, чем в Ираке. Неразрешимые противоречия воплотились здесь в отношениях между партией староверующих Медины и мирскими веяниями двора в Дамаске. Люди, подобные сыну Алиа Хусейну сыну Зубейра Абдулле, в особенности же принадлежавшие к семьям пророка, законных халифов и прежних претендентов, сами питавшие известные притязания на трон, не теряли никогда надежды положить когда-нибудь с помощью набожных Медины конец узурпации исконных неприятелей пророка. В свою очередь и партия набожных, находясь под влиянием этих почитаемых кружков, укреплялась все более и более в своей старинной антипатии к партии мекканских аристократов. Таким образом, с мединцами столкнуться не было никакой возможности, и Му'авия отказался раз и навсегда привлечь их на свою сторону. Над ними поставил

он как бы в насмешку наместником Мервана Ибн Аль-Хакама, того самого, которого царевубийцы в свое время почли было за убитого, но который пришел вскоре в себя, выступил с прочими из Мекки в поход и принимал участие в верблюжьем сражении, стараясь всячески нанести вред Алию, а затем, конечно, покинул правоверных на произвол судьбы. Теперь принуждены были набожные видеть, как этот же Мерван въехал в город во главе целой толпы членов семьи Омейядов и своих приверженцев и снова принял бразды того же еще со времени Османа постылого управления. Более всего, конечно, желал Му'авия ослабить влияние набожных союзников на совокупность мусульманской общины и, если возможно, овладеть им для дома Омейи. Мы уже упоминали ранее, что даже из мирских самые рьяные миряне не смели и подумать что-нибудь изменить в исповедуемом арабами исламе. Положим, самые почтенные из простого народа в Сирии не особенно-то много понимали в делах веры; недаром же толковали про них позже в Ираке, что самые начитанные между ними почитали Алиа за ставшего знаменитым во время междоусобной войны атамана разбойников и в молитвах своих упоминали имя Мухаммеда вместо Аллаха. Если даже и так, все же и в этих людях ярко теплилось сознание принадлежности к миру мусульман; в интересах самого правительства необходимо было обращать себе на пользу религиозное народное чувство, особенно там, где оно выступало явно наружу. Вот почему Му'авия не только соблюдал самолично все религиозные обряды по положению, но и пользовался всяким подходящим случаем, дабы выказать свое почитание святыне. Чтобы показать пример, он послал дорогие шелковые завесы для Ка'бы, купил также невольников для прислуживания при ней. А в 50 г. (570) задумал даже перевезти кафедру пророка из мечети Медины в Дамаск, дабы сделать резиденцию свою в глазах правоверных религиозным средоточием ислама. Но в конце концов он не осмелился привести в исполнение своего намерения, уstraшенный, как утверждают набожные, чудодейственными знамениями божеского небаговоления. К этому плану возвращались и его преемники, Абд-Аль-Мелик и Валил, Но и они должны были тоже отступить, ибо не могли скрыть от себя, что религия покоится прежде всего на неограниченном уважении ко всему, что пророк говорил и совершал; произвольное же прикосновение к мечети, им самим воздвигнутой, неоспоримо сочтется всеми за ужасное посягательство на все святое и высокое, будет обесславлено и принесет более вреда, чем пользы.

Но если намерение превратить мирскую столицу государства в духовную не осуществилось, зато по крайней мере народонаселение вне Медины привыкало в течение долгого ряда лет все более и более видеть в халифе Омейяде истинного главу общины верующих. Не недостаток народной привязанности поэтому подготавливал правительству затруднения — уже в начале междоусобной войны сирийцы готовы были за своего мудрого и щедрого эмира идти в огонь и в воду. Зато именно теперь всплывают снова старинные обычаи арабского язычества, менее чем где-либо оттесненные на задний план силой религиозного воодушевления; в особенности же развился партикуляризм и взаимная племенная зависть, доходившая до неприязненности, равно как и строго преследуемое еще Мухаммедом кровомщение. Самая опасная рознь проявилась между племенами ма'аддитскими (северо-арабскими)⁴ и йеменскими (южноарабскими). Еще со времени больших переселений до Мухаммеда почти повсеместно по арабскому полуострову наседали друг на друга враждебные племена, целые столетия преследовали они друг друга со смертельной ненавистью. В Сирии йеменцы преобладали. Они принадлежали к большой группе Кудат, по преимуществу к племени Бену Кельб; а также немалочисленные Маадциты принадлежали к Кайс Айлану — большому племени бедуинов центральной Аравии. Сообразно этому все раздоры подымалась между двумя партиями кельбитов и кайситов, подобно средневековым гвельфам и гибелинам. Му'авия

⁴ Ма'адд — общий прародитель, от которого почти все измаилиты арабы ведут свое происхождение, точно так, как первоначально проживавшие на юге племена йеменские ведут свой род от Кахтана, Иоктана библейского.

умел, однако, мастерски обессиливать оба противоположные течения, мудро распределял свои знаки милостей, ровно придерживая чаши весов, и сдерживал твердой рукой все их мелочные распри. Раз только по вопросу о престолонаследии и ему пришлось нелегко с ними, но благодаря известному своему искусству и бесстрастию он успел и тут побороть возникшие несогласия. Он особенно превосходно усвоил манеру обращения с народом: хотя некоторые замечают, что и халиф также, вероятно увлекшись опытностью своего «братца» Зияда, завел постепенно телохранителей, почетную стражу и полицейских, но он понимал, что свободный араб имеет право позволить себе высказаться самостоятельно перед лицом повелителя правоверных. Даже на грубость он предпочитал, для поддержания обаяния своего сана, отвечать лучше языком, чем кнутом. И мудрый мекканец почти всегда находил в запасе меткое словцо. Дерзкие бедуинские замашки, таким образом, ни разу не перерождались в грубое неповиновение либо нарушение общественного спокойствия. До нас дошла история вражды, возгоревшейся между двумя маленькими племенами, Амир и Ракаш, принадлежавшими к йеменцам куда'итам: обе родственные ветви из-за какого-то несчастного пари жестоко перессорились. Особенно преследовали друг друга эпиграммами Зияд ракашит и Худба амирит; дошло наконец до настоящего побоища, и Худба умертвил Зияда. Родственники обратились с жалобой к Саид Ибн-аль-Асу, заместившему только что Мервана в качестве наместника Медины. Тот засадил нескольких родственников Худбы в тюрьму в виде ответственных заложников за всю семью. Надо было выручать близких, и убийца явился добровольно сам. Саид отослал его вместе с донесением к халифу. Худба был недурной поэт и все свое дело импровизировал в стихах перед муавией. Как и всякий араб, халиф обладал и вкусом, и пониманием настолько, чтобы оценить высокий поэтический талант, да и сам иногда при случае пописывал стихи. Несчастный заинтересовал его, но оправдать было трудно. Му'авия отослал преступника назад к наместнику с указанием держать его в тюрьме, пока не подрастет сын убитого Зияда и не решит, что делать с пленником: отомстить ли убийце смертью за смерть или удовольствоваться вирой. Халиф полагал своим решением спасти несчастного, но он ошибся: лет пять, шесть спустя молодой человек достиг определенного возраста, пожелал смерти Худбы и на этом уперся, хотя многие почтенные граждане Медины, в числе их наместник, сыновья Омара и Алиа, предлагали ему уплатить удесятеренную пошлину за кровомщение. Честность и дарования пленного заполонили сердца многих. Когда вывели его на казнь, он вручил душу свою Богу в следующей строфе:⁵

О Господи на троне, перед Тобой муслим,
к Твоей защите прибегаю
От огненной геенны, я, богатый
скорбию страдалец.
Неправое ли ненавистно было, доколе
не касалось лично.
Строптивость увлекла, неправым
стал, жаровней распалился гнев.
Но, что б ни говорили деспот и
его синклит,
И около ворот толпы
богатых, бедных, —
Я все-таки уверен, что никто не повелевает, —
Ты один:
Если Ты караешь, это в Твоей власти,

⁵ Ruckert. Hamasa 1, стр. 174. Вся история изложена там подробно.

Если Ты милуешь, то ведь Ты всемилостивый.

Но по дороге к месту казни он сымпровизировал новую строфу в ином духе:

Не ликовал я никогда, хоть счастье
нередко улыбалось,
Но не робел при встрече – порою
с злой судьбой.
Не я раздор затеял – горе притянуло:
Что ж, храбро устремился – где
нужно первым на коне.
На ссору вызвал друг, и я его
убил.
Хотя бы и свояк обидчик твой – не уступай,
борись!

Своеобразные переливы утешительного исповедания простой и величественной исламской идеи покорности судьбе рядом с неискоренимой старинной арабской спесью представляют нечто в высшей степени трогательное. В стихах этих легко также подметить, как глубоко еще сидело чувство личной независимости и раздражительной гордости даже в груди лучших людей народа. Еще новое доказательство замечательного искусства управления Му'авии: он умел обуздывать всевозможные страсти. Менее способному правителю легко могло не посчастливиться. Другому не удержать бы этих упрямцев от всеобщей жесточайшей взаимной резни.

И на разные отдельные отрасли управления Му'авия обращал также серьезное внимание. Сам он работал усердно и много, во всем решительно стремился ввести улучшения. Будучи религиозно индифферентным, он не боялся ставить на высшие должности христиан, наиболее освоенных с местными порядками. Он старался ввести самостоятельную чеканку, избегая рабского подражания чужим образцам. При нем первом стали выбивать серебряные и золотые монеты с оригинальным собственным чеканом. В высшей степени, однако, характерно, что арабы, особенно недоверчивые к золоту, не захотели принимать новую монету, «так как на ней не было креста». Как ни ненавистен был для мусульман этот символ христианской религии, но как свидетельство полновесной византийской чеканки он повсеместно встречал самый лестный прием. С особой заботой относился Му'авия к финансам. В его владычество подати не были особенно тягостны, но он пользовался всяким обстоятельством, чтобы добыть побольше денег. Раз (июня 659=39) явились к нему на разбирательство епископы яковитские и маронитские со своими вечными религиозными спорами. Он допустил к себе этих глупых ревнителей, не постыдившихся из-за богословских препирательств выставлять на суд мусульманского эмира насущнейшие дела христианства. Диспут продолжался долго; спокойно он выслушивал обе стороны, пока епископы не наговорились досыта, причем яковиты под конец как будто начали сдаваться. Тогда, обратясь к ним, эмир стал увещевать их на будущее время быть помирнее, а чтобы не обижали их впоследствии марониты, потребовал за свое покровительство взноса ежегодно в государственную казну 20 тыс. золотых динариев.

Прочное единение всех сил ислама в одних руках дало вскоре возможность Му'авии двинуть большинство свободного войска вперед на дальнейшие завоевания. Лишь только халиф почувствовал себя достаточно укрепившимся, он тотчас же нарушил перемирие с византийцами. И начались почти без перерыва в течение более 20 лет походы и набеги, страшно опустошавшие несчастную Малую Азию. По меньшей мере раз в году, а то и два

громадной лавиной разливались арабы по пограничным областям, напирали все дальше и дальше, брали города, разоряли страну. Греки защищались, понятно, как умели; борьба шла с переменным успехом, часто арабы близко подходили к Константинополю, но ни разу не удавалось им надолго покорить весь полуостров. Здесь, не так, как в Сирии и Египте, на византийцев не глядели как на постылых господ, чуждых населению по своему происхождению. Здесь была исконная греческая земля, а нападали на нее полуварвары, разбойники семиты. Сами жители напрягали все силы, чтобы избавиться от них. И приходилось арабам постоянно терять в конце концов все завоевания в короткое время. Рядом с несколькими победами, крупной добычей, множеством пленных случалось и им терпеть чувствительные поражения, в особенности же под стенами Константинополя, где приходилось каждый раз платить головой.

Историю этих походов, каждого особо, опять-таки весьма трудно восстановить. Арабские известия, можно сказать, более чем лаконичны. Успехи так часто сопровождались чувствительными потерями и к тому же были так скоропреходящи, что о них неохотно упоминалось в летописях. Византийские источники во всем, касающемся этого периода, тоже слишком скудны; дошедшие до нас отрывочные сведения переполнены противоречиями и лишь изредка не расходятся с арабскими известиями. Более освещен, как кажется, большой двойной поход, предпринятый в 43–45 гг. (663–665) под первоначальным предводительством Буера Ибн Арта. Заняв часть Малой Азии в 43 (664), он перезимовал на месте, а летом 44 (663) двинулся далее; отряды его заняли позиции недалеко от Константинополя. Осенью заменил его Абдуррахман, сын Халида, покорителя Сирии. Равно как и отец его, он был наместником в Химсе (Эмесса) и прежде нередко переступал византийские границы. На этот раз двинут был особенно значительный отряд. И действительно, полководцу удалось, огибая полуостров вдоль северных склонов Тавра, занять крепости Амориум и Пессинунт, даже достичь Халкидона, расположенного напротив Константинополя. С помощью флота, которым теперь командовал Буер, обложена была также Смирна. Но в 45 (665) обстоятельства как-то сразу меняются, арабы отступают, а в 46 (666) Абдуррахман снова очутился в Химсе. Вскоре после того его сразила внезапная смерть, как говорят, от яда, преподнесенного по приказанию Му'авии. Халиф начинал опасаться влияния, распространившегося на весь север Сирии, этого блестящего, обоготворяемого войсками полководца. Но с его смертью вовсе не было покинуто раз начатое большое движение. Несколько лет спустя⁶ двигается уже снова большое арабское войско в пределах византийской империи. Предполагалось на этот раз напасть на сам Константинополь. Дурное управление Констанция II навело некоего Шапура, по происхождению перса, служившего в византийских войсках, на мысль свергнуть императора и самому занять его место при помощи военного заговора. Для того чтобы провести свой план более удачно, он не постыдился обратиться к злейшему неприятелю новой своей родины. Му'авия, понятно, с радостью ухватился за такой благоприятный случай. На этот раз войско выступило из западной Армении, недавно опустошенной летучими колоннами Фадалы Ибн Убейда. Заняв снова Амориум, Фадала потянулся далее к Халкидону, но здесь вскоре обнаружилась вся ничтожность его сил. Посланы были ему в подкрепление более значительные войска. Полководцем назначен был номинально Язид, сын Му'авии. Давно уже халиф замыслил объявить его своим наследником, а потому, пользуясь обстоятельствами, пожелал доставить ему широкую известность каким-либо воинскими успехом. А чтобы он не натворил бед, ему дан был в руководители опытный Суфьян Ибн Ауф. Между тем в Константинополе положение дел вполне изменилось. Шапур, нечаянно сброшенный лошадью, сломал себе шею; вскоре затем (15 июля 668=48) умерщ-

⁶ Более точное определение времени представляет большие трудности. Вероятно, новый поход происходил в 48 или 49 г. (668 или 669). И отдельные фазы предприятия не выяснены достаточно.

влен был и Констанций И. Сын его и наследник, Константин IV, по прозванию Погонат, оказался человеком совершенно иного закала: невзирая на мятежную столичную чернь, ему удалось отразить Язида, высадившегося тем временем с помощью флота на европейский берег и начавшего было осаду города. В арабских известиях встречается несколько отрывочных упоминаний о некоторых личностях, отличившихся под стенами города, а затем говорится сухо: «Язид с войском отступил». Они совершенно умалчивают о том обстоятельстве, что Му'авия, несомненно раздраженный неудачей похода, вскоре же должен был напрячь все силы, дабы овладеть во что бы то ни стало Константинополем. Летописи довольствуются только заметкой вскользь под 54 г. (674), что занят был возле самого Константинополя остров (собственно говоря, полуостров Кизик на Мраморном море) и, «как говорят», в течение семи лет его не покидали арабы. При этом повторяется неизменно каждый год одна и та же стереотипная фраза: «поход против румов». Ввиду этих обстоятельств мы вынуждены дать веру свидетельству византийских историков, по которому арабы после занятия Кизика в течение семи лет⁷ появлялись каждое лето перед городом и удалялись безуспешно с той же периодической методичностью: продолжать осаду круглый год препятствовали им необычные для них зимние холода и бурное в другое время года море. Они терпели постоянную неудачу благодаря неприступности сильных укреплений и страшному действию греческого огня, только что изобретенного и непосредственно примененного к защите столицы. Тем успешнее он действовал против этих врагов, что оружие их не могло нанести никакого вреда крепким стенам города. К концу управления Му'авии пришлось окончательно прервать все походы на Константинополь. Как рассказывают греки, при отступлении арабов погибли флот и сухопутные войска; буря разметала первый на высоте Памфилии, а армия в центре полуострова истреблена была под мечами преследовавших их византийцев. Поражение, однако, этим еще далеко не завершилось. Как кажется, император Константин продолжал пожирать плоды своей победы и далее. Греческие войска высадились в Сирии и успели возмутить против арабов некоторые округа финикийского побережья, особенно Ливан, у горных жителей которого и по сие время сохранилось сильно развитое чувство независимости. Но у историков противной стороны не встречается ни одной строчки об этой опасной диверсии; поэтому мы не в состоянии сказать об этом событии что-либо положительное. Это известие, однако, — не пустая выдумка, ибо непосредственно после Му'авии арабы как-то сразу перестают упоминать о византийцах. Объяснить это нельзя иначе, как заключением формального мирного договора между обоими воевавшими народами. А одно поражение под стенами Константинополя едва ли могло понудить к этому Му'авию. Не следует, между прочим, забывать, что еще ранее смерти Алия, при помощи могучего влияния неизменно дружественного арабам Рештунийца, Армения добровольно подчинилась (39=658), а император Констанций II не пожелал, да и не был в состоянии выступить снова на этом отдаленном театре войны. Вообще о том, что византийцы проникли через проходы Тавра в северную Сирию, нигде у других писателей не упоминается. Стало быть, у халифа были особые причины, настроившие его на мирный лад, и их следует, естественно, искать в возмущении мардаитов⁸, тех именно сирийских бунтовщиков, которые вначале действительно могли навести на Дамаск порядочный страх. Нельзя было, понятно, опасаться серьезного потрясения мусульманского владычества в Сирии. Но Му'авия состарился, дни его клонились к закату, надо было сосредоточить все заботы на укреплении довольно сомнительной будущности династии. И вот он решил, подобно тому, как двадцать лет тому назад во время борьбы с Алием, заключить

⁷ По одним сведениям, 672–678 (52–59), а по другим — 669–675 (49–56). Последнее было бы вероятнее, но никоим образом не сходится с арабскими показаниями.

⁸ Так называют этих бунтовщиков византийцы, очень может быть, прямо взяв арабское слово, обозначающее «восставший». Их отождествляют с маронитами, но, как кажется, неосновательно, несмотря на тождественность места их выступления.

с императором мирный договор (678=58/9 – тридцатилетний, уверяют византийцы) с уплатой дани, как это и прежде водилось, о действительном значении которой мудрый Омейяд нисколько, конечно, не заботился.

В Африке дела шли много успешнее, по крайней мере при жизни Му'авии. Пока старый Амр продолжал быть наместником в Египте, ничего, конечно, не могло произойти в пользу дальнейшего распространения ислама. Но вскоре после его смерти (45=665) мы видим, что другой Му'авия, сын Худейджа, уже двигается вперед на запад. Как кажется, этот полководец не добился своим походом никакого более или менее прочного успеха. По-прежнему повторилось разграбление стран на запад от Малого Сирта вплоть до Карфагена, который теперь снова находился в руках византийцев. До этого пункта, во всяком случае, арабы еще не дошли. Полководец сделал, по-видимому, попытку невдалеке от города к югу заложить Кайруван⁹: т. е. укрепленный лагерь, наподобие военных поселений в Басре и Куфе. Во всяком случае, от этого предприятия пришлось отказаться. Начиная же с 47 (667), когда наместником Египта назначен был Маслама Ибн Мухаллад, набеги производились из года в год еще далее, за Триполис. Все эти набеги тесно связаны с именем курейшита Укбы Ибн Нафи. Понятно, предание сплело вокруг этого имени целый венок легенд, и действительные события прикрыты ими большей частью до неузнаваемости¹⁰. Одно только осталось достоверным, что походы Укбы направлены были приблизительно на оазисы посещаемой и прежде арабами, а теперь только более прочно покоренной страны Фезан, простираясь до Джармы¹¹ и Гадамеса, обложенных данью. Затем он проник в южную часть нынешнего Туниса, овладел главным городом, и наконец в 50 (670) положил основание¹² Кайрувану по близости задуманного еще Му'авией укрепленного лагеря. В весьма скором времени вырос из него целый город. В 55 (675) Укба отрешен был внезапно от должности по настоянию Масламы, пожелавшего поместить на его место одного из своих ставленников. Преемник обошелся с героем круто, даже одно время держал в заточении. Покоритель Африки устремился ко двору Му'авии, ища удовлетворения за перенесенное им презрительное невнимание к его заслугам. Му'авия обещал назначить его снова на прежний пост, но, поглощенный непрестанными заботами о направляемых против греков новых и новых походах, халиф был мало склонен к предприятиям в Африке и постоянно откладывал исполнение своего обещания. Только при наследнике его, Язиде, послан был храбрый полководец в 62 (682) в Африку. Одновременно он был освобожден от подчинения египетскому наместнику и, как кажется, управлял самостоятельно покоренными провинциями. С этого момента предания о его подвигах принимают чудовищно сказочные размеры. Отчасти еще вероятно, что Укбе удалось покорить пограничные округа, так называемый ныне восточный Алжир, и разбить смешанное войско греков и берберов. Нельзя также отрицать, в общем, возможности, что и тогда арабы начали расширять свои набеги далее на запад и юг. Но, с другой стороны, если взглянуть на результаты этой борьбы, как их представляют арабские историки, на достижение Укбою Тайгера или даже самого Атлантического океана, то, само собой, нельзя не отнести этих известий к области чистейшего вымысла. Этому всеми почитаемому герою и мученику, видимо, старались присвоить, по крайней мере отчасти, все подвиги последующих завоевателей. Увы, в глазах историка блекнет весь блестящий колорит следующего, например, сказания. Летописец повествует, что за Тангером перед Укбою и изумленными его всадниками развернулся

⁹ Слово имеет очевидную связь с персидским «карван» (отсюда происходит и наш караван), что обозначает вооруженный отряд, а также толпу путешественников и, наконец, стоянку.

¹⁰ Обстоятельное и остроумное исследование по этому предмету можно найти у Wilhelm Roth: *Oqba Ibn Nafi el-Fihri*. Gettingen. 1859.

¹¹ Гарам древних. И поныне зовется Джарма, лежит к WNW от Мурзука

¹² При этом, как рассказывают, совершилось чудо. По повелению Укбы во имя Аллаха из сырой, покрытой непролазной чащей долины пресмыкающиеся и хищные звери с детенышами на спинах удалились немедленно.

наконец необъятный горизонт Атлантического океана. Далее невозможно было двигаться вперед. Упрямый араб погнал свою лошадь в море, вода уже достигала морды животного. Тогда он воскликнул: «О Господи! Зову тебя в свидетели, здесь пройти нельзя. А если бы представился случай, я бы пошел и далее напролом!» Во время возвращения своего из этого дальнего похода он был окружен вероломными отпавшими берберами и убит. Вероятнее всего, дело произошло несколько иначе. Со своим слишком незначительным войском¹³ он двигался по покоренным местностям на запад от Кайрувана и погиб в стычке против соединенных сил берберов и карфагенских византийцев (63=683). С его кончиной пало и господство арабов в северной Африке: Кайруван заняли берберы, а Триполис и Фезан освободились от мусульманского ига. Итак, до конца вскоре разгоревшейся второй междоусобной войны Барка стала снова западным пограничным пунктом халифата.

Последствия одержанных при Му'авии мусульманским оружием успехов на востоке были, однако, значительно более блестящи. Лишь только могучее правление Зияда в Басре, а потом в Куфе позволило, двинуты были военные силы из Персии далее. С горными народами Табаристана и теперь, конечно, трудно было справиться: дважды отрезан был путь к отступлению арабским отрядам в непроходимых ущельях этих отчасти покоренных стран – спереди и сзади показались неприятели, с двух сторон посыпались дождем с отвесных скал глыбы камней. Все до последнего исламского воина сложили здесь свои буйные головы. В конце концов пришлось ограничиться наблюдением за пограничными проходами и ограждением близлежащих провинций от набегов этих неудобных соседей. Зато на восток и север предпринимаемы были далекие походы вперед в тюркские владения в промежуток времени между 50–56 (670–676). Прежде всего заняты были Мерв, «Царский»¹⁴, Балх и Герат, отпавшие было во время междоусобной войны. Уже первый наместник Зияда в Хорасане, Ха-кам Аль-Гифарий, успел покорить Тохаристан, страну на юг и юго-восток от Балха, вплоть до Гинду-Куша; он первый, положим временно, перешагнул чрез Оксус. Затем, как кажется, восток опять возмутился, ибо по смерти Хакама снова должен был Раби Ибн Зияд¹⁵ с 25 тыс. куфийцев и 25 тыс. воинов Басры завоевать Балх и другие города. Место последнего заступил в 54 (674) Убейдулла, 25-летний сын умершего наместника Зияда. Он двинулся далеко за Оксус, в страну Согдиану, дошел до Пейкенда и Бухары и нанес тюркам жесточайшее поражение. Им, как передают, пересланы были в Басру 2000 пленных – первые тюркские рабы. Вскоре появились они в западных провинциях халифата, и из года в год пригоняли их все новыми толпами; так продолжалось в течение нескольких поколений, пока они не обратились из невольников в господ. Когда же Убейдулла назначен был в 55 (674) в Басру, наместничество в Хорасане, от которого позже стали зависеть новые завоевания, перешло к Саиду, сыну халифа Османа. Му'авия пожелал его этим привязать к себе. Новый полководец достиг Самарканда, хотя позднее, при халифе Язиде (61=681), новому наместнику, Сельму, брату Убейдуллы, пришлось снова завоевывать этот город. Подчиненность турок своим новым властителям была, понятно, более кажущегося свойства. Лишь только удалялись мусульманские войска, наложенные подати не выплачивались и приходилось их выколачивать новым походом. Тем не менее влияние на эти страны ислама, хотя и с некоторого рода препятствиями, возрастало постоянно и неуклонно. Каждый договор, заключаемый с отдельным городом или племенем, как бы ни сомнительно было его внутреннее содержание, много способствовал обеспечению ранее завоеванных владений, а также служил как бы подготовлением к будущему, более прочному захвату; поэтому оказалось весьма кстати,

¹³ У него было не более 5000 человек.

¹⁴ «Шах-и-джан», персидское название Антиохии Маргианской переводится почти всеми неправильно «Мировая царица». Значение этого слова просто – «Царская» (см. Olshausen u Ruckert, Grammatik, Poetik und Rhetorik der Perser, hevausg, von Pertsch, Gotha 1874, стр. XIX).

¹⁵ Не сын наместника, а одноименник из племени Абс.

что тот же самый Сельм успел войти в любовное соглашение с жителями Хаваризма¹⁶ (нынешняя Хива) насчет уплаты податей. Впрочем главную заслугу во всех этих блестящих успехах следует приписать не наместникам, часто сменявшимся, а состоявшим в их распоряжении полководцам. Находились они постоянно, без смены, на одном и том же посту; к нам привыкали войска, в свою очередь они изучали страну и население. Самое выдающееся между ними место занимал, несомненно, Мухаллаб, сын Абу Суф-ры, – йеменец из племени Азд. Особенно отличался он при наместниках Са'ид Ибн Османе и Сельме в походах на Самарканд, а вскоре призван был играть еще более серьезную роль. В первые годы управления Му'авии он успел отличиться на другом театре войны. Из набегов, производимых (с 38 или 39=659) с юга Хорасана, на турок, обитавших в нынешнем Афганистане, развилась уже давно пограничная война, увлекшая арабов после победы над тюркскими князьками Кабула и взятия этого города в 42 (662) до самого Пенджаба (Пятиречья). Но она окончилась чувствительным поражением. Тут-то в 44 (664) и выказал Мухаллаб свой выдающийся талант полководца. Опираясь на Кабул, снова взятый после многократных возмущений, двинулся он вперед по дороге, проложенной со времени Александра для всех великих азиатских завоевателей вплоть до нынешнего столетия, и потянулся вдоль реки Кабула вниз к Пятиречью индийскому. И он, и его преемники ограничились, впрочем, одними опустошительными набегами на равнину, удерживая за собой постоянно только горные проходы и присоединив к государству Мекран и другие части нынешнего Белуджистана, равно как и округ Кандагара. Приходилось довольствоваться этим и потому еще, что с 61 (681), когда возгорелась междоусобная война, мало-помалу возникали среди арабов и в этих пограничных провинциях раздоры, послужившие поводом к отпадению тюркских стран по ту сторону Оксуса, а также к неоднократным возмущениям в Кабуле и других местностях.

Невзирая на неудачи и потери, понесенные в войне с византийцами, в последние годы своей жизни Му'авия стал властителем государства крепкого и благоустроенного внутри, могущественного и широко раскинувшегося извне. С полнейшим самодовольством мог он обозревать все им совершенное. Одного только недоставало его созданию – желательной вековечности. Надо было позаботиться об установлении прочного престолонаследия. Му'авия был истым типом Омейядов. Как же было ему не пустить в ход все зависящие от него средства для удержания в своей семье власти, стоившей ему столько трудов и коварства, власти, закрепленной не одним тяжким преступлением. Благодаря многоиспытанной привязанности к нему сирийцев было бы это, конечно, и не особенно трудно, если бы старший его сын Язид не возбуждал против себя людей во многом. Не велика беда, что наследник еще менее, чем отец, обращал внимание на предписания Корана, страстно любил вино, охоту и азартные игры, все бы ничего: немного бы повредили ему все его недостатки в глазах сирийцев; но воинственные племена с неудовольствием замечали в нем крайне неприличное отвращение к воинским тяготам. В трусости никто не мог его обвинить, конечно. Но когда Му'авия задумал назначить своего сына предводителем подкрепления, посылаемого в Халкидон к Фадале, юноша вздумал набросать несколько иронических строф, в которых он открыто выражал полное свое равнодушие к тому, от чего страдают люди там, в Халкидоне, – от лихорадки или же ревматизма, лишь бы ему позволили в покое просиживать, развалившись на софе вместе со своей молодой женой, в монастыре Мурран¹⁷. На этот раз, конечно, волей-неволей он должен был тащиться в поход и, как кажется, держал себя вообще храбро. Лично все его любили за мягкость обращения, поэтическое дарование и щедрость, но одна часть сирийцев положительно не могла ему простить его происхождения. Достаточно было одного, что его мать была дочь Бахдаля, главы племени Бену-Кельб,

¹⁶ «Хаваризм» по арабскому произношению, «Хорезм» – по-персидски

¹⁷ Возле самого Дамаска. Здесь можно было потягивать вино, не тревожимому никем.

чтобы наполнить сердца кайситов недоверием к молодому принцу. Тем не менее никаких не возникло недоразумений, когда в 56 (676) курейшит по имени Даххак Ибн Кайс, одно из приближеннейших к Му'авии лиц, обратился официально к халифу с предложением признать Язида наследником престола еще при жизни повелителя во избежание новой междоусобной войны. Иначе, однако, поглядели на это дело в других провинциях. Вытребованы были спервоначалу в Дамаск представители Ирака вместе с наместником Басры Убейдуллой для выслушания их мнения. Выступил глава проживавших в Басре из племени Бену Темим и дал следующий замечательный ответ: «Нам боязно высказать тебе всю правду, но мы страшимся Бога, если солжем, – и решительно отсоветываем». Наконец удалось, однако, иракцев понудить, частью подарками, частью угрозами, принести присягу. Но всего опаснее оказалось отношение жителей Медины. В священном городе жили многие уважаемые лица, которые могли благодаря своему происхождению сами питать некоторые притязания на халифат. Это были: Хусейн и Абдулла Ибн Зубейр, далее сыновья Абу Бекра и Омара, а затем наследник Османа, только что назначенный наместником Хорасана. К тому же сама личность Язида подавала повод к наивысшему возбуждению. «И мы должны, – восклицал Абдулла Ибн Омар, – присягнуть этому, окруженному вечно обезьянами и собаками, попивающему вино, а зачастую совершающему наипостыднее? Что же мы ответим Богу?» Таково было всеобщее настроение в Медине. Поэтому Мерван, когда Му'авия сообщил ему о своем намерении, с ужасом предостерегал и умолял халифа отказаться от своего первоначального плана. Повелителю могло весьма легко показаться, что совет дан был небескорыстный. Один из старейших среди всех живущих еще Омейядов двоюродный брат Османа мог и сам считать себя за наиболее подходящего на этот высший сан. Халиф сменил его немедленно же с наместничества в Медине и сам отправился в сопровождении тысячи отборных всадников в град пророка. Но лишь только успел он прибыть, как четверо, недаром боявшиеся насилия, убежали в Мекку, надеясь найти защиту и безопасность в пределах священного округа. Му'авия, однако, нисколько не стеснялся, не располагая воздерживаться от достижения раз задуманного им предприятия ради какого-то уважения к предписаниям веры, и преспокойно потянулся вслед за ними. Когда попытки подарками и обещаниями склонить их на свою сторону не удались, он объявил окончательно, что акт присяги будет совершен у самой Кабы, а возле каждого из недовольных поставлены будут по двое бедуинов с мечами наголо. Кому же вздумается не соглашаться, тот немедленно будет изрублен на куски. В мечети халиф поднялся на кафедру и потребовал формально от соединенной общины поклясться в верности Язиду, а затем добавил: «Глядите, люди эти, князья, лучшие среди правоверных – без них не начинается никакое дело и без совета их ничего не решается, – они только что согласились поклясться Язиду в верности. И вы поклянитесь ему же во имя Господне». Те четверо, понятно, и слова не проронили, видя кругом обнаженные мечи. Не было никакого сомнения, что Му'авия преспокойно исполнит свою угрозу, нисколько не стесняясь святостью места. Их примеру последовали и мекканцы. А когда на возвратном пути халиф остановился в Медине, точно так же никто из набожных не осмелился там упорствовать долее. Таким образом, Язид был признан официально, во всех провинциях, законным наследником престола после того, как и в давно успокоившемся Египте все обошлось мирно. Будущность показала, однако, что вынужденная присяга имела лишь цену чистейшей формальности.

Му'авия скончался в Раджабе 60 (апрель 680¹⁸), окончательно состарившийся и пресыщенный жизнью. Им оставлено было нечто вроде политического завещания. Если только оно подлинное¹⁹, можно его сравнить, судя по многим местам, с вещим взором, проника-

¹⁸ Точное число не установлено определенно. Мнения наилучших авторитетов не сходны и колеблются между 1 и 15 (7 и 21 апреля); первое указание наиболее вероятно. Также не вполне выяснен возраст, которого достиг Му'авия. По-видимому, он умер в преклонные годы старцем 70–80 лет.

¹⁹ В подлинности этого акта рождается большое сомнение, ибо в нем находится следующий период: «Обходись с боль-

ющим в будущее. Положим, даже менее проницательный человек, чем умиравший халиф, легко мог прийти к тому же самому заключению, которое выступает так резко в посмертном завещании: оно предостерегает будущего повелителя от двух личностей, которые, действительно, назначались судьбою поднять против него знамя бунта и поставить снова на краю гибели весь арабский мир, возжигая новую тринадцатилетнюю междоусобную войну. Это были: Хусейн, сын Алиа, и Абдулла Ибн-аз-Зубейр.

шой бережностью с людьми Ирака, и если они потребуют от тебя хотя бы и каждодневной смены наместника, исполни согласно их желание. Легче сносить перемены в управлении, чем увидеть сразу 100 тыс. мечей обнаженных» Подобная речь была не в духе Му'авии. Никогда он не вздумал бы отозвать своего Зияда либо Убейдуллу лишь потому только, что они исправлись иракцам. Период этот, а вероятно и все завещание, есть про рочество по дальнейшим событиям.

Глава II. Вторая междоусобная война

Восшествие Язида на престол; Хусейн и Ибн-аз-Зубейр. – Шииты в Куфе; поход Хусейна. – Гибель Хусейна при Кербела. – Последствия смерти Хусейна. – Восстание мединцев. – Битва при Харре; разорение Медины. – Осада Мекки. Смерть Язида. Му'авия II. – Убейдулла в Сирии; Мерван I, халиф. Умерщвление Мервана; его преемник Абд Аль-Мелик. – Византийцы; междоусобная война на востоке; хариджиты. – Мухаллаб выступает против хариджитов; Мухтар в Куфе. – Царство террора в Куфе; битва при Хазире. – Кончина Мухтара; восстание Аидака. – Абд аль-Мелик выступает против Ирака; битва при монастыре Католикос. – Мекка, осажденная Хаджжаджем; смерть Ибн Зубейра. – Хаджжадж в Куфе; Мухаллаб побеждает окончательно хариджитов. – Восстание Абдуррахмана Ибн Мухаммеда.

В день смерти отца своего, когда Язид (Раджаб 60–14 Раби 64=апрель 680–10 ноября 683) сделался повелителем в Дамаске, он смело мог рассчитывать на одну могучую поддержку – сирийцев. Десятки лет служили они с преданностью Му'авии и понимали хорошо, что их собственное выдающееся положение среди остальных племен государства неразрывно связано с владичеством Омейядов. Новый халиф к тому же приходился им по душе, пожалуй, еще более, чем отец. Сын бедуинки, с согласия своего супруга вернувшейся из-за тоски по родине к своим, он провел всю юность возле матери в степи. С навыками и воззрениями бедуина, умевшего обходиться с каждым свободным арабом как с равным себе, соединялось в нем отвращение ко всему, носящему явную печать ханжества, разделяемое вместе с ним всей тогдашней Сирией, но у него дошедшее до неприязненности, вообще несколько не скрываемой, к предписаниям религии. Если отстранить очевидные клеветы, возводимые на него позднейшими писателями, и придать всем этим известиям должную меру, он был, надо полагать, человек жизнерадостный. Ни от какого удовольствия не сторонился этот богато одаренный и милый юноша. При подобных душевных качествах обладал ли он серьезными задатками сильного характера и другими тому подобными достоинствами правителя, которые могли бы со временем обнаружиться, трудно сказать что-либо определенное, так как краткость управления не дает возможности судить о нем более или менее основательно. Не принимая в расчет первоначальных мер, подсказанных современными ему обстоятельствами, в применении которых и самый незначительный принц едва ли мог бы сделать ошибку, до нас дошло одно резкое распоряжение об отмене разрешенного Омаром освобождения сирийских христиан от уплаты хараджа. Этим значительно ухудшалось, конечно, положение этого класса подданных в государстве. Но весьма возможно, что возникший в Аравии бунт властно понуждал государство к увеличению доходов и потребовал устранения всяческих привилегий. Поэтому и этого, быть может, нельзя ставить ему в вину. Во всяком случае, все принадлежавшее в Сирии к арабскому происхождению крепко держалось Язида в то время, когда из других провинций приходили все чаще и чаще угрожающие вести. Вслед за вступлением в управление разослано было окружное послание ко всем наместникам – в нем повелевалось привести народ к присяге новому халифу. В Ираке произошло это, по крайней мере в официальном порядке, без громкого ропота. Но когда послание Язида дошло до Медины, наместник Аль-Валид Ибн Укба несколько позамешкался и не успел задержать своевременно Хусейна и Абдулла Ибн-аз-Зубейра, так что им удалось скрыться из города и уклониться от принесения присяги по понуждению. Они поспешили снова в Мекку. Здесь, в этом священном округе они чувствовали себя хотя бы временно более огражденными, чем в Медине, где у Омейядов все-таки было под рукой изрядное количество безусловных приверженцев. Из других возможных соперников Язида сын Абу Бекра в то время скончался, а Абдулла Ибн Омар предался исключительно набожности и аскетизму, так

что и его не было никакой надобности более тревожить. Но те двое, поселившиеся и Мекке, грозили действительно стать со временем неудобными. Вот почему Язид и послал в Рамадане 60 (июнь 680) на смену Валиду Амра Ибн Са'ида по прозвищу Аль-Ашдак²⁰, повелев ему принять меры к поимке Абдуллы Ибн-аз-Зубейра. Хусейн казался, вероятно, менее опасным, кроме того, халиф, по-видимому, желал шадить по возможности внука пророка. Новый наместник направил в Мекку другого Амра, брата Абдуллы, заклятого врага последнего, с отрядом в 2000 человек. Не предполагалось, как кажется, употреблять насильственных мер в пределах святого округа, хотели просто постараться выманить оттуда Абдуллу. Но тот распорядился иначе, напав врасплох с помощью своих приближенных на расположенный лагерь в некотором отдалении от города отряд. Амр взят был в плен и с согласия брата замучен личными его врагами. С этого времени Ибн Са'ид изменил радикально образ своих действий. Он окружил Мекку сетью шпионов, которые извещали его обо всем, что делал и говорил Абдулла. Таким образом наместник надеялся подстеречь благоприятный момент и арестовать опасного человека, но Абдулла вел себя осторожно и ни на шаг не отлучался из округа Мекки.

Между тем со времени вступления в управление Язида в Ираке снова зашевелились шииты. Наместник Куфы, Ну'ман Ибн Бешир был человек благомыслящий. Когда до него дошло, что в городе начинают поговаривать о Хусейне, сыне Алиа, как о настоящем законном халифе, в следующую же пятницу произнес он проповедь, в которой вообще очень правильно развил тезис о непригодности междоусобных войн. Однако сам он ничего не предпринимал для подавления мятежного духа. Тайком выправили между тем шииты четырех послов, одного за другим, к Хусейну с предложением пожаловать сюда к своим верным. Они обещали признать его халифом и защищать права его с оружием в руках. Хусейн прислал им с двоюродным братом своим, Муслимом Ибн Акилем, благосклонный ответ, а ему поручил разузнать поподробней обо всем происходившем в Куфе. Посланы были сообщения также и в Басру к некоторым почтенным личностям. Но здесь, при строгом наблюдении Убейдуллы Ибн Зияда, никто и шевельнуться не посмел. Между тем Муслим в Куфе, неоспоримо принятый с распростертыми объятиями, успел на вербовку втихомолку более 12 тыс. приверженцев. Вскоре получено было Язидом от державших сторону правительства извещение о возрастающем в городе движении и бездеятельности наместника. Халиф немедленно принял меры: послано было повеление Убейдулле сдать управление в Басре одному из своих братьев, а самому заняться подавлением заговора в Куфе. Со свойственной энергией принялся наместник за выполнение опасной задачи. Забрав с собой лишь немногих из приближенных, он неожиданно появился вечером в Куфе, прикрывая лицо, чтобы дать веру им же распространенному слуху, что он – Хусейн, решившийся будто бы стать во главе своих единомышленников. Таким образом ему удалось беспрепятственно добраться до крепкого правительственного замка. Ну'ман принял его с честью и беспрекословно признал за преемника, радуясь, что с него слагалась тяжкая ответственность в споре между халифом и внуком пророка. Как ни велико было число сторонников Муслима, им все-таки далеко было до преобладающего большинства находившегося в городе войска. К тому же многие из заговорщиков хотя и примкнули к нему, увлекаемые общим течением, но вовсе не желали подставлять голову, не уверенные в решительном успехе. Поэтому, когда на следующий день выступил новый наместник с речью, пересыпанной страшными угрозами в духе Зияда, ряды шиитов сразу поредели. Пошли толки, не благоразумнее ли будет отложить предприятие, и вскоре сам Муслим вынужден был скрываться у одного надежного человечка по имени Хани Ибн Урва. Убейдулла тотчас же пустил, разумеется, в ход своих полицейских ищек. Хани был вскоре схвачен. Муслим попытался было освободить друга, но замысел не удался. Народ-

²⁰ «Широкая глотка», а в переносном смысле «краснобай».

ная толпа, которую он собрал вокруг себя, недолго пошумела возле замка наместника, а на нападение открытой силой не решилась и рассеялась по первому приглашению уважаемых людей, приверженцев порядка. Муслиму пришлось плохо, его схватили и казнили вместе с Хани (Зуль Хиджжа 60, сентябрь 680). Почти одновременно с совершившимся немедленно вслед за окончанием паломничества (10–12 Зу'ль Хиджжа = 11 – 13 сентября) того же года Хусейн по получении от Муслима известия, что 12 тыс. человек им завербованы, собрался наконец покинуть Мекку. В сопровождении всей семьи и некоторых личных приверженцев, в общем в числе 200 человек, двинулся он по дороге в Куфу. Во всяком случае, это было безрассудное предприятие. Казалось, Хусейн более чем достаточно испытал еще при жизни своего отца, насколько можно было полагаться на иракцев, а Алий тогда был единственным господином в Ираке, теперь же сидел в Куфе наместник Омейяда, и никто не мог знать, как отнесется вообще к делу большинство его подчиненных. Умные люди предвидели наперед всю рискованность предприятия. Абдулла Ибн Аббас, хотя и живший в мире с Омейядами, сохранил, однако, некоторое участие к судьбе столь близко родственного ему дома Алиа и неоднократно пытался отклонить племянника от сумасбродного похода. И другие его тоже предостерегали. Аль-Фараздак, знаменитейший из поэтов эпохи Омейядов, только что прибывший на паломничество в Мекку из Басры и спрошенный Хусейном о настроении умов в Ираке, ответил довольно определенно: «Сердца их клонятся к тебе, мечи принадлежат сынам Омейи, а решение – в руках Божьих; Господь сотворит, что ему угодно». И все было тщетно. Рыцарский дух и неспособность правильно оценить политическое положение, то и другое – роковое отцовское наследие, – послужили к гибели Хусейна. Немало помогли и нащептывания фальшивого друга его, Абдуллы, сына Зубейра, который успел раздуть до необычайных размеров неосмысленное честолюбие приятеля. Этот Абдулла, неоспоримо храбрый лично, но при этом руководимый громадными притязаниями, был одним из тех, у которых недостаток характера восполняется хвастливым обращением и выставляемым всем напоказ чванством. И он принимал свое довольно обыденное умение держаться себе на уме за высокое дипломатическое дарование, а свою личность считал вполне способной, чтобы разыгрывать в безопасной Мекке роль муавии, натравливая беспрестанно сирийцев на иракцев с целью самому выдвинуться вперед. Для этих целей и показался ему Хусейн самым подходящим орудием: к тому же присутствие внука пророка в Мекке стесняло его, ибо он должен был поневоле делиться с ним влиянием на горожан. Поэтому он отуманивал горячую голову невозможными надеждами, а в то же время заверял в своей глубокой преданности и довел наконец Хусейна до того, что тот решился, полагаясь на одно краснбайство куфийцев, ринуться в сопровождении незначительного конвоя головой вперед в самое логовище Убейдуллы. Не без иронии поздравил Ибн Аббас Ибн Зубейра с отбытием Хусейна из Мекки. И действительно, «великий этот политик», как это бывает в подобных случаях, мог возрадоваться, что исполнялся один из его ближайших замыслов.

Хусейн проехал почти до самой Куфы, никем не потревоженный. Наместник Медины, Ибн Са'ид, при виде мирно проезжавшего по Хиджазу сына покойного халифа, удовольствовался посылкой письма, в котором советовал ему отказаться от необдуманного предприятия. Когда же получил уклончивый ответ, то не счел себя уполномоченным предпринимать какие-либо решительные меры. В Куфе между тем Убейдулла распорядился об основательных приготовлениях к приему Хусейна. Расставлены были эшелонами от пустыни до Евфрата все находящиеся под рукой войска, чтобы тотчас же при первом приближении перехватить дерзновенного. В конце 60 (в конце сентября 680) странствующие витязи наткнулись невдалеке от Кадесии на отряд куфийцев, которых было около 1000 человек под командой темимита Аль-Хурр Ибн Язида. К маленькому каравану Хусейна успели примкнуть по дороге некоторые личные приверженцы Алиа и небольшое количество бродячих бедуинов. Правительственному отряду было заранее приказано, в случае встречи с Хусейном, уклоняться

от нападения, но неотступно следовать за ним по пятам вплоть до самой Куфы. Само собой, Аль-Хурр не желал лично ни в каком случае обидеть сына Алиа: он отнесся дружелюбно к Хусейну, требуя настоятельно, чтобы тот отказался от предприятия, указывая ему, что успех положительно невозможен. Вместо ответа сын халифа послал ему целый ворох писем куфийских шиитов, требовавших от него появления среди них: это были два мешка, набитые бумагой, исчерканной бесчисленными подписями. Темимит подумал, покачив головой, что ведь ни он, ни его солдаты не принадлежали к партии, подписывавшей прошение. Правда, он не получил приказания действовать неприязненно, но доставить путешественника к Убейдулле обязан, если только тот не повернет назад. А это последнее было бы самое благоразумное, пока еще предстояла возможность отступить от дурно начертанного плана. Одновременно дошел до Хусейна к тому же слух о неудачах, постигших движение в Куфе, о смерти Муслима и Хани, и, казалось, исчезла всякая надежда на успех восстания шиитов в городе. Несмотря, однако, на все свои недостатки, Хусейн обладал благородным характером отца. На трусливое отступление, после того как меч палача обагрился кровью его верных, он не мог никак решиться, а братья Муслима, его же двоюродные братья, объявили прямо: «Клянемся, назад мы не отступим прежде, чем не отомстим за брата, или же испробуем то, что и он испытал»²¹. Вручая свое дело в руки Господа, несчастный решился закончить свое отчаянное предприятие лишь почетным договором либо пасть в честном бою. А пока отменил движение вперед на Куфу, по изменившимся обстоятельствам не имеющее более никакого смысла, и повернул на север по направлению к Евфрату. Хурр со своими бедуинами по-прежнему следовал за ним. Всех, за исключением ближайших родных и друзей, в особенности же примкнувших по пути, Хусейн распустил, чтобы в крайнем случае не увеличивать бесполезного числа жертв. Между тем для большей надежности Убейдулла призвал к себе одного из лучших своих офицеров Омара, сына Са'да Ибн Абу Ваккаса, победителя при Кадесии, он только что выступил во главе 4000 человек к Каспийскому морю для обуздания горцев Дейлема, как получил повеление идти на встречу к Хусейну. Не без колебания согласился Омар командовать новой экспедицией, и 3 Мухаррема 61 (3 октября 680) уже настиг маленький отряд Хусейна. Инструкции Убейдуллы, данные ему, не исключали совершенно мирного исхода. Сын одного из старейших сподвижников Мухаммеда, Омар, невзирая на глубокое убеждение в бесполезности новой междоусобной войны, не имел никакой охоты губить внука пророка, пока был еще возможен иной исход. Много дней протекло в личных переговорах, наконец Хусейн согласился, убежденный настоятельными представлениями противной стороны, сдаться на одном из предложенных ему трех условий: или вернуться в Мекку, или отправиться вместе со спутниками к Язиду и в Дамаске принести присягу, или же быть препровожденным на одну из границ государства и принять участие в борьбе с неверными вместе с прочими мусульманами. К Убейдулле немедленно же был отправлен посол с извещением. Наместник склонялся было принять это предложение как благоприятное разрешение всех предстоявших трудностей. Для нас, знакомых с развязкой, не может быть никакого сомнения, что во всяком случае он поступил бы умно, если бы предоставил Хусейну на выбор второе или третье условие, ибо позволить ему теперь свободное возвращение в Мекку было действительно опасно. Но один из приближенных наместника, Шамир, сын Зу'ль Джаушена – имя это и поныне вспоминается с омерзением во всем мухаммеданском мире и произносится каждым шиитом не иначе как с добавлением неизбежного эпитета: «Богом проклятый», – истый язычник, ненавидевший весь дом пророка и видевший безопасность трона Омейядов лишь в гибели претендента, сумел переубедить Убейдуллу и заставил его отклонить договор, а вместо того потребовать безусловной сдачи Хусейна и его верных; Шамиру же с отрядом пехотинцев поручено было присоединиться к Омару и передать ему

²¹ Всяческая душа обязана испробовать смерть. Коран, сура 3.182.

этот новый приказ, а в случае нежелания неприятеля повиноваться тотчас же напасть на него и доставить Хусейна в Куфу живого либо мертвого. Если же Омар заупрямится, новый посланник уполномочен был изрубить его тут же на месте и принять самому начальство над войском. Наступило 9 число месяца, когда прибыл роковой вестник к войску. Омар выходил из себя, осыпал Шамира укоризнами, но не посмел идти наперекор воле своего эмира²². Как и следовало ожидать, Хусейн отклонил требование сдачи и стал готовиться к последнему бою. Не могло быть никакого сомнения, чем это должно было кончиться: 150 человек окружены со всех сторон при местечке Кербела по крайней мере 5000-ным войском. Тем не менее развязка затянулась до полудня 10 Мухаррема 61(10 октября 680). Омару, а также и большинству его воинов захотелось, конечно, взять Хусейна живым; таким образом большая часть дня протекла в отдельных единоборствах. Постепенно таяло число защитников Хусейна, но решительный момент все еще не наступал. Наконец Шамиру надоело ждать так долго и он бросился с окружающей его толпой напролом, изрыгая проклятия. Сражаясь до конца отчаянно храбро, внук пророка пал, пораженный мечами и пиками тех, которые имели притязание исповедовать веру его деда; вместе с ним погибли его двоюродные братья и друзья, все до последнего, геройски защищаясь. Жен и детей пощадили; их отослали в Дамаск к Язиду. Одновременно отослана была к халифу и отрубленная голова Хусейна. Повелитель был страшно взволнован, когда узнал о ходе происшедшего: никогда, настаивал он, я не желал смерти этого дорогого мне человека.

И этому торжественному заявлению мы должны поверить, тем более что он закрепил его актом, явно приносившим ему вред. Он отослал в неприкосновенности всех женщин и детей обратно в Мекку, окружив их подобаемым их сану почетом. Рассказы свидетелей о происшедшей катастрофе вдохнули негодование в сердца многих богобоязненных людей, близких по крови или же сподвижников пророка. Неудовольствие против дома Омейядов с этого самого момента все росло и росло. Если и здесь уже подготавливался опасный косвенный удар против правления, при котором возможны такие нечестивые насилия, то последствия гораздо более широкого значения должен был вызвать день Кербела, особенно во всей восточной половине халифата. Все в Ираке, причислявшие себя к Шиат-Алий, вспыхнули стыдом и гневом при известии, что княжеский сын обоготворяемого ими покойного владыки, глава дома пророка, пал жертвой меча маловерных нечестивцев. В этих широких кругах ожесточение к партии Омейядов возгорелось далеко сильнее, чем даже после смерти Алия, которую, по крайней мере, нельзя было приписать им непосредственно. «Мщение за Хусейна» стало лозунгом всех шиитов, оказавшимся для сирийской династии столь же бедственным, насколько поднятый во время Му'авии клич «мщение за Османа» послужил ей на пользу. И это предвиделось правящей партией: Убейдулла слишком надеялся на себя и готов был всечасно подавить всякое движение саблей и плетью. Одного только не предусмотрел он, что умерщвление Хусейна повлияло на все дальнейшие события, как никогда ничем не исправимая ошибка. С этого самого момента начинается подъем народного персидского духа. Никогда не обманывающий инстинкт ненависти отметил гробницу, сложенную сострадательным человеком в г Кербела для безголового туловища Хусейна, местом сборища для всех, кто в обширной стране тайно жаждал высвобождения из-под арабского ига. Не прошло и трех лет, как Шиат-Алий находился уже в открытом союзе с чисто персидскими элементами. Под эгидой талисмана, созданного требованиями религиозно-политического свойства «о владычестве в доме пророка», дух Персии воспрянул и стал непобедим, невзирая на поражения без числа. И никогда не замирал он, сражаясь с арабскими полчищами то там, то здесь без перерыва, пока наконец монголы не накинули на всю Переднюю Азию громадной

²² «Эмир» значило первоначально вообще военачальник, позднее стало обыкновенным титулом наместников и генералов, командуй» щих самостоятельно отдельными частями.

надгробной пелены, из-под которой арабы и персы, сунниты и шииты вновь появились впоследствии, но жалкими и навеки разрозненными. Таким образом, рядом с Омейядами и староверующими, которые сходились по крайней мере в одном – в признании халифа за абсолютного правителя в качестве наместника Мухаммеда, рядом с хариджитами, требовавшими наивысшего суверенитета исключительно для общины, выступили теперь шииты – «легитимисты ислама». Догмат их, заключавшийся в исключительном полномочии Алиа и его дома на имамат, разросся постепенно в неподдельное обоготворение Алиа, Хасана и Хусейна. Естественным последствием этого нового учения было непризнание первых трех халифов и всех преданий, не имеющих отношения к Алию. В этом смысле уже с 65 (684) стали возноситься молитвы при гробнице Хусейна, настоящего имама и мученика, точно так же, как и ныне совершают это тысячи паломников, притекающих к «Мешхед-Хусейн» («Месту успокоения мученика Хусейна»), священной местности, Кабе шиитского мира. Временно, конечно, под железной рукой Убейдуллы шииты не были в состоянии начать действовать. Зато в обоих священных городах подготавливалось под кажущейся спокойной поверхностью движение, взрыв которого следовало ожидать каждую минуту. Со смертью Хусейна зародилось в Медине весьма опасное неудовольствие, а в Мекке Абдулла Ибн Зубейр старался всеми способами утилизировать печальное событие и нагреть себе руки. Горячо ораторствовал он против этой безбожной шайки убийц, а сам про себя меж тем тешился, что наконец-то избавился от несносного соперника, и в тесном кружке близких людей начинал уже разыгрывать «повелителя правоверных». Язид не очень-то доверял наружному спокойствию святых городов и находил, что метода Ибн Са'ида долго что-то не приносит плодов. Следуя изведенному приему Омайядов, халиф вздумал было и сам пойти на мировую. Напасть на Абдуллу вооруженной силой значило нарушить право убежища в священном округе, что могло поднять на ноги всех староверующих, и без того возбужденных смертью Хусейна. Как-то в раздражении халиф поклялся, что заставит Ибн Зубейра, закованного в цепи, принести ему присягу. Теперь послал он к своему противнику целое посольство с Ну'маном Ибн Беширом во главе, имея в виду переманить противника на свою сторону обещаниями. Ему предлагалось дружелюбно освободить Язида от клятвы и явиться в Дамаск для принесения присяги с хорошенькой серебряной цепочкой, укрытой под мантией, так что никто ее и не заметит. Абдулла некоторое время водил за нос посольство, а в заключение отклонил требование халифа, не обращая внимания на делаемые ему кроткие предостережения насчет слишком широкой уверенности его в неприкосновенности Мекки. Когда же Язид вслед затем сместил Са'ида и заменил его в Медине энергичным Аль-Валидом-Ибн-Утбой, Ибн Зубейр снова завязал переговоры для виду, чтобы выгадать время. Ему удалось искусно бросить тень на Валида, мешавшего будто бы мирным переговорам, и добиться замены его Османом Ибн Мухаммедом. Этот последний приходился двоюродным братом халифу, но не отличался ни энергией, ни умом: в непродолжительное время он успел вызвать в самой Медине целую бурю, которая на долгое время поглотила все внимание правления в Дамаске, не давая возможности следить за тем, что происходило в Мекке. Именно этому человеку пришла в голову несчастная мысль положить начало примирению династии с мединцами. Выбрал он девятерых из самых уважаемых среди старинных союзников пророка и послал их в Дамаск, дабы они принесли там устную жалобу на претерпеваемые ими чувствительные потери, как они утверждали, при отчуждении земельных участков в управление Му'авии. Добродушному Осману казалось, что удовлетворение их притязаний и разные тому подобные звонкие доводы, которые так охотно применяли Омейяды, поспособствуют улучшению настроения как этой депутации, так и их сограждан. Самому Язиду едва ли когда-либо в жизни приходилось сталкиваться с союзниками, он, вероятно, ничего более про них и не знал, как разве только то, что эти старые ребята – большие чудачки; когда-то, в старину, в сообществе с их так называемым пророком дрались они чуть не со всеми арабами, вот и думают

слишком много о себе, а потому достаточно таки строптивы и невыносимы в обхождении. И постарался халиф очаровать, насколько только был в состоянии, эту депутацию глядящих сумрачно и неразговорчивых старцев, присланных к нему наместником (62 = 682), явившихся в каких-то до невозможности затасканных одеждах. Их приглашали на все придворные празднества, все их требования, само собой, удовлетворены были без всяких затруднений, а каждому отдельно вручена была сверх того весьма солидная сумма, приблизительно в 100 тыс. дирхем. Деньги они взяли, иначе не были бы арабами. Но каким нравственным негодованием воспылали эти люди, лицезревшие пророка во всем величии его набожности и простоты и считавшие своей обязанностью по возможности следовать его примеру, когда увидели эту преступную роскошь, в которой утопал сам заместитель Божьего человека, – передать трудно. «Мы вернулись от человека неверующего, – ворчали они грозно по своему возвращении. Он пьет вино, бренчит на цитре, певицы перед ним поигрывают на арфах, кругом – собаки; с воришками верблюдов²³ и развратниками ночи коротает...» И вот раз в начале 63 (682) случилось в мечети пророка, что всеобщее негодование вдруг прорвалось широким потоком. Выскочил на середину Абдулла Ибн Амр, один из девяти, и воскликнул, срывая чалму с головы и бросая ее оземь: «Этим самым лишаю я Язида сана халифа, точно так, как свою голову чалмы!» Собравшиеся набожные громко выразили свое одобрение, поднялся гам: один сбрасывал туфли, другой срывал одежду, и вскоре накидали они целую кучу различных принадлежностей туалета в знак религиозной ревности не в меру расхорившихся ансаров и акта отвержения безбожного повелителя²⁴. Но взрыв не остановился на одном иносказательном выражении чувств. Вся Медина сразу поднялась как один человек. Изумление наместника и всех в совокупности Омейядов, вместе с рабами, клиентами и приверженцами составлявших по меньшей мере 1000 человек, было столь велико, что они и не подумали оказывать ни малейшего сопротивления и дозволили выпроводить себя со стыдом из города, сопровождаемые всевозможнейшими ругательствами. Одни сыновья Омара, Алиа и Хусейна не принимали участия в этом изгнании Омейядов; первый даже покинул город, где отныне должны были произойти внушающие ужас события.

На первых порах Язид возмущен был скорее отсутствием мужества, так постыдно выказанным его приверженцами, чем самим фактом бунта Медины. Как и всегда, попросил он сперва отнестись к непокорным снисходительно. Прежний посол к Ибн Зубейру, Ну'ман Ибн Бешир, был единственным ансаром, державшимся Омейядов; поэтому он казался самым подходящим для убеждения своих земляков в безнадежности задуманного ими открытого сопротивления силам всей Сирии. Однако, как ни старался Ну'ман, ему не удалось умиротворить расхорившихся мединцев. Вся накопившаяся десятки лет злоба старинных сподвижников Мухаммеда против партии мекканских аристократов как-то сразу вылилась наружу. Поседевшие воины Бедра и сомолитвенники самого пророка не боялись смерти на поле битвы, напутствовавшей их ко вратам рая, и мирское преобладание нисколько их не путало; они давно привыкли, ведомые в бой посланником Божиим, все это презирать. Таким образом, правительству не оставалось ничего более, как усмирить оружием слишком долго продолжающееся в ущерб авторитету династии неповиновение обитателей священных местностей. А между тем никак нельзя было скрыть, что такое усмирение равнялось пощечине всем тем, кто стремился глядеть на дела веры более или менее серьезно; следовало поэтому по крайней мере покончить с бунтом как можно скорей и энергичней. Удвоенного жалованья оказалось достаточно для набора 12 тыс. добровольцев, которые были двинуты к концу 63 (683) к пределам Аравии, а выбор предводителя ручался за беспощадность дей-

²³ То есть бедуинами, зараженными старинными обычаями степей.

²⁴ Своеобразное заявление, изобличающее вообще пристрастие восточных жителей к символическим действиям. Нечто подобное встречается и в Библии, по преимуществу у пророков, напр., у Исайи, 8,1; Иеремии 13,1; 18,1; 19, 1, 10; 24, 1; Иезекииля 3, 1; 4, 1; 5, 1; 12, 3 и т. п.

ствий. Муслим Ибн Укба, из племени Мурра, был воодушевлен тою же самой ненавистью к исламу, в особенности же к староверующим, которая понудила Шамира стать губителем Хусейна. Желанные надежды, издавна тщетно питаемые, проучить этих смертельных врагов всего языческого вдохнули на некоторое время силы в этого старца болезненного, но считавшегося еще со времен Му'авии надежным полководцем. На случай, если бы он не дожид до конца похода, дан был ему помощником Хусайн Ибн Нумейр, тоже один из старых военачальников Му'авии. Был он по сие время правой рукой Убейдуллы в Ку-фе, равно ни в грош не ставивший ни мечети пророка, ни даже Ка'бы. Когда войско к концу года подошло к Вади'ль-Куре, местности, отстоявшей на пять миль к северу от Медины, Муслим встретил тут же прогнанных Омейядов. Они обязались клятвой, ради спасения жизни, в случае если подойдет к городу войско, никоим образом не помогать ему даже советом. Муслим не мог, разумеется, взять в толк, каким образом можно придавать такому вздору серьезное значение, и стал грозить этим глубоко презируемым им трусам, что прикажет снести всем головы, все равно как совершенно посторонним, если они не согласятся ему сообщить все подробности о положении города и жителей. Мерван Ибн Аль-Хакам тотчас же извернулся: он вскоре вспомнил, что сын его Абд-аль-Мелик лично не присягал, и послал его к свирепому военачальнику. Все, что нужно было, обстоятельно объяснил Муслиму этот расторопный, уже почти достигший зрелых лет юноша, и полководец так искусно стал маневрировать по указаниям Абд-аль-Мелика, что вскоре расположился со всем войском на удобной позиции на восток от Медины в Харре²⁵. В каком бы положении ни стали мединцы, здесь светило бы им солнце постоянно прямо в лицо. По прошествии трех дней отсрочки, дарованной по повелению Язида набожным ревнителям для обдумывания, Муслим немедленно распорядился о наступлении (26 Зу'ль Хиджжы 63 – 26 августа 683). Началась страшно упорная сеча. Беглецы и союзники пророка бились с фанатическим воодушевлением давних времен, когда в присутствии самого Мухаммеда они рассеивали полчища неверных, а после его смерти преследовали язычников по всей Аравии. Но язычники новейшей формации, эти поддельные сирийские мусульмане, успели перенять тайны дисциплины истых правоверных на полях битв при Абу Бекре и Омаре, а в войнах с византийцами досконально изучили военное искусство: вот почему на сторону более сильного должна была склониться победа. Она была началом неслыханного даже в войнах с неверующими разорения города. Жителей, не успевших пасть во время боя, приканчивали, калечили, имущество грабили и уничтожали. Три дня неистовствовали сирийцы со всей жестокостью полуцивилизированной солдатчины. А когда наконец наступило пресыщение ярости опустошения, когда успели осквернить с животной свирепостью даже святыню мечети Мухаммеда, то даже и этим не насытилась дышащая мстительностью кровожадность Муслима. Отыскивались снова и снова один за другим набожные и высокозаслуженные люди в деле веры, и их умерщвляли, осыпая градом едких насмешек. Казалось, с приближением собственной кончины, ежедневно угрожавшей полководцу быстрым развитием болезни, все росла в его душе страсть к убийствам. Насытился и он наконец пролитой кровью: искупительной жертвой пали 2400 союзников и 2300 курейшитов – краса религии, хранители чистого учения ислама. Быть может, столько же успело бежать по окончании сражения. Остальные принуждены были принести присягу Язиду как рабы. Их личностями, семьей и достоянием халиф мог распорядиться по своему усмотрению. Судьба их поистине стала плачевной: все время, пока Омейяды владели Мединой, остатки старинного населения подвергались жесточайшим мучениям и угнетению и им ничего не оставалось впоследствии, как только искать спасения в бегстве. Подобно бежав-

²⁵ Так называлась равнина, покрытая черными и сероватыми глыбами различной величины, остатками доисторических вулканических извержений. В Аравии и Сирии подобного рода местности встречаются нередко, по преимуществу между Мединой и горами Хауран, на юг от Дамаска. Сама Медина на некотором расстоянии окружена почти со **всех** сторон подобными харрами. Упомянутая здесь местность лежит невдалеке от города по направлению на восток.

шим с поля сражения в Харре, и они тоже направились в Африку. Там приняли они участие в войнах с берберами, а позднее служили в мусульманских войсках против вестготов и завоевали себе наконец новую родину в Испании.

Страшная расправа, которой подверглась Медина, была как бы отместкой языческого арабизма за кровавое усмирение арабского восстания после смерти Мухаммеда. Чем позднее наступило мщенье, тем полнее оно совершилось. Местопребывание старинных сподвижников пророка, духовное средоточие ислама, Медина – перестала существовать. Однако семена, пересаженные в прежние годы в Ирак, начинали уже всходить; вскоре должно было обнаружиться, что, хотя бесцельной ненависти язычески настроенных людей и удалось осквернить мечеть пророка, но перед могучим воздействием проявленной в ней божественной силы они же должны были впоследствии бессильно опустить руки. Однако прежде, чем дело веры могло снова воспарить в Куфе и Басре, необходимо было, чтобы над всем обширным царством халифа пронеслась долго не умолкавшая гроза, яростные порывы которой, казалось, возвещали истребление всего существующего.

Смерть халифа Язида, едва наружно сдерживавшего подавленные силы озлобленных друг против друга партий, сразу их высвободила. Еще в полном цвете лет²⁶ скончался повелитель 14 или 15 Раби I 64 (10, 11 ноября 683), как кажется, внезапно, во всяком случае прежде, чем успел он закрепить повсеместной присягой преемство за своим старшим сыном Муавией. Таким образом, в данную минуту не оказывалось никого налицо, кто бы имел законное притязание на халифат. Обстоятельства ухудшались еще тем, что даже в Сирии, ввиду соперничества между племенами Кайс и Кельб, нельзя было и думать о соглашении по этому жизненному государственному вопросу первостепенной важности. Наоборот, это самое событие подавало повод к началу борьбы в широких размерах между северянами и южанами Аравии, доселе с великим трудом сдерживаемыми обоими первыми Омейядами, прилагавшими всевозможные меры предосторожности и прозорливости. Отсутствие центрального управления естественным порядком привело к тому, что и в провинциях партии зашевелились. Начинается отныне взаимная жестокая борьба кайситов, кельбитов, шиитов, хариджитов, староверующих, окончившаяся только спустя 10 лет признанием одного из Омейядов за повелителя всей совокупности земель халифата, а последние, частью очень опасные, судороги восстаний продолжают еще новое десятилетие. Эту крайне спутанную борьбу партий, по крайней мере в общих чертах, нам приходится теперь излагать.

Муслим Ибн Укба недолго пережил удовлетворение своего отмщения: во время похода из Медины в Мекку, предпринятого для усмирения Ибн Зубейра, дабы замолкло последнее вето против владычества Язида, полководца подкосила окончательно болезнь. Согласно воле халифа во главе войска стал Хусайн Ибн Нумейр, а 27 Мухаррема 64 (25 сентября 683) очутился он уже под стенами Мекки. Город обложили, и началась правильная осада. Нисколько не стесняясь, обстреливали сирийцы из своих осадных машин даже Кабу, так что однажды загорелись священные завесы от пущенной осаждающими зажигательной стрелы, и святыня кругом почти выгорела. От нестерпимой жары лопнул священный камень, а обгоревшие стены ежеминутно угрожали падением. Впоследствии Ибн Зубейр принужден был скрыть здание до основания и приказать отстроить заново всю Кабу. Не взирая, однако, на яростные штурмы осаждающих, город держался стойко благодаря прибывающим с разных сторон толпам набожных. Хусайну все еще не удавалось одержать ни одной значительной победы, как вдруг внезапное известие, полученное им под конец месяца Раби I 64 (ноябрь 683) о смерти Язида, заставило полководца со страхом прекратить всякие неприязненные действия. Слишком хорошо было известно военачальнику о положении дел на родине, и он сообразил тотчас

²⁶ * Данные о его возрасте чрезвычайно разнообразны и колеблются между 32 и 39 годами. Во всяком случае, первая цифра слишком мала. Вероятнее всего, было ему 38 или 39 лет.

же, что там, далеко, должен наступить всеобщий переполох. По происхождению йеменец, понял он, что присутствие его армии в Сирии действительно потребно для его же соплеменников, иначе кайситы, несомненно, одержат перевес. Сыновья же Язида были слишком молоды, не могло быть почти и вопроса о серьезных притязаниях их на престолонаследие. Итак, Хусайн быстро решился и предложил самому Абдулле Ибн Зубейру, единственному человеку, обладавшему в данный момент правами на халифат, свою помощь с неперменным при сложившихся обстоятельствах, само собой, обещанием отказаться навсегда от мщения за пролитую в последней борьбе кровь. Обращение к главе староверующих с требованием набросить покров забвения и не мстить за опустошение Медины было, конечно, условием не из легких. Тем не менее действительно выдающееся по способностям к управлению лицо едва ли не воспользовалось бы таким благоприятным обстоятельством, дабы вступить на трон и попытаться установить власть, царящую над всеми партиями и взаимно их уравнивающую. Но не такого закала была натура-Абдуллы. Он отклонил предложение и сам же лишил себя успеха, предоставляемого ему беспримерным счастьем в момент безвыходного положения. Хусайну ничего более не оставалось, конечно, как направиться со своим войском попросту в Сирию, дабы не отсутствовать по крайней мере там в решительный момент.

По смерти Язида кельбиты, однако, не преминули попытаться провести кандидатуру старшего сына скончавшегося халифа. Мать его была тоже кельбитка по происхождению, как и бабушка, а племянник последней, Хассан, сын Малика Ибн Бахдаля, был правителем в провинции Иордана (Галилее). Юный принц²⁷ действительно помещен в списке халифов под именем Му'авии II (64=683), факт несомненен; ему присягали по крайней мере в Дамаске. Но кайситы не хотели о нем и слышать, наместник же Киннесрина (в северной Сирии) Зуфар Ибн Аль-Харис попросту поднял знамя бунта и заставил присягнуть жителей своего округа Ибн Зубейру, так что Му'авия не предвиделось пока удачи. Как передают, он скончался 40 дней спустя после смерти своего отца. Вся его личность, равно как и судьба, покрыты густым мраком: подозревают, и не без основания, что он был устранен приверженцами кайситов. Во всяком случае, он не успел выказать определенного направления в течение нескольких недель и, вероятно, едва ли имел притязание на это. Отныне на сторону Абдуллы Ибн Зубейра перешли правители и остальных частей Сирии, за исключением Хассана в провинции Иордана, который провозгласил Халида, второго сына Язида, и Ад-Даххака Ибн Кайса в Дамаске, остававшегося пока нейтральным, в качестве курейшита между кайситами и кельбитами. Жители столицы, которым, понятно, Омейяды весьма полюбились, желали сохранения династии, но ввиду принятого начальником войск решения на время обречены были на строжайший нейтралитет. Да и пребывающие в Сирии члены владетельного дома не предвидели для себя в будущем ничего надежного, так что Мерван Ибн Аль-Хакам, старейший и наиболее уважаемый между ними, в данный момент серьезно подумывал отправиться в Мекку и присягнуть Ибн Зубейру, после того как все усилия побудить Дах-хака высказаться в пользу Омейядов оказались тщетными. Но от этого шага удержал его Убейдулла Ибн Зияд, которого собственная неудача погнала вон из Ирака. Если уже в самой Сирии пришло все в смятение со смертью Язида, то и подавно неожиданное событие произвело полнейший переполох в Ираке и восточных провинциях. На Оксусе продолжали драться с турками, в Басре и Куфе следовало ждать при малейшем ослаблении правительственной власти восстания хариджитов и шиитов; более настойчиво чем где-либо необходимо было поэтому арабам держаться сплоченными ввиду всех этих окружавших их чужеземцев. И на одно мгновение, казалось, все уразумели силу понудительных обстоятельств. Не только в Хорасане войска поклялись наместнику Сельму в верности до тех пор, пока снова не будет выбран признаваемый всеми халиф, но даже мало популярный Убейдулла, который жил в Басре во

²⁷ По общепринятому преданию ему было 21 год, но по другому известию только 13.

время полученного известия о смерти повелителя, признан был точно так же местными арабами временным регентом. Но все благоразумное не имело в Ираке прочных видов на постоянство. Абдулле Ибн Зубейру захотелось, конечно, воспользоваться таким благоприятным случаем для распространения своего влияния на востоке. Еще при жизни Язида он питал надежды на хариджитов, которые стояли ближе к покровителю святого града по общей оппозиции к безбожным Омейядам; и действительно, во время осады Хусайном из Куфы отправилось тайком в Мекку кроме некоторых шиитов порядочное число хариджитов под предводительством Нафи Ибн Азрака и храбро дралось, защищая город. Однако после отступления сирийцев, когда наступило время для полного соглашения, стала ясной обоим сторонам вся несовместимость притязаний Ибн Зубейра с основным учением пуритан. Обе партии расстались, осыпая друг друга ругательствами. Нафи тщетно старался овладеть Басрой, вскоре бросился со своими сообщниками в Хузистан и с помощью отовсюду стекающихся к нему единомышленников окончательно завладел страной. Впоследствии мы еще тут встретимся с ним. Между тем Ибн Зубейр послал одно доверенное лицо в Басру, дабы склонить жителей на свою сторону. Тем значением, какое имели в Сирии кайситы и кельбиты, пользовались в Ираке вплоть до самого Оксуса темимиты и азды. С первыми, северянами по происхождению, сошелся посланник Ибн Зубейра, сам родом темимит. Аздов же в Басре было не так много, чтобы Убейдулла мог твердо опереться на них. Сверх того, жители Куфы отказались после смерти Язида повиноваться ненавистному всем сыну Зияда и приступили к самостоятельному выбору нового наместника. Пример соседей вызвал подражание. На улицах Басры четыре месяца резались азды с темимитами, наконец Убейдулла вынужден был бежать в Сирию (Джумада II 64=февраль 684). Вскоре он узнал здесь, что басрийцы немного выгадали со своим новым избранником и окончательно подчинились Ибн Зубейру, приняв в свои стены посланного им наместника (Рамадан 64=май 684). К тому же времени и Куфа, где староверующие и шииты сходились по крайней мере в одном – ненависти к Омейядам, также присягнула Ибн Зубейру, а Египет вслед за кончиной Язида высказался равным образом в пользу мекканского претендента. Таким образом, все государство буквально лежало уже у ног Абдуллы, за исключением крохотного округа Иордана и страны, где распоряжались хариджиты. Но мысль преклониться перед властью староверующих была для Убейдуллы невыносимой. Вступив в пределы Сирии, он встретил в Тадморе большинство собравшихся там Омейядов. «Как, – обратился он к Мервану, – ты, старейший между курейшитами, глава их, позволяешь понукать собой Даххаку?» Ему удалось-таки убедить Омейяда покинуть округ кайситов и отправиться далее на юг навстречу только что прибывшему из Аравии с войском Хусайну Ибн Нумейру. Хотя по происхождению кельбит, военачальник и слышать не хотел о юном Халиде; вероятно, его тревожила мысль, что тот станет куклой в руках своего дяди Хассана. Он предложил власть Мервану. Нельзя было, конечно, отрицать, что Мерван из всех живых членов владетельного дома, по арабским понятиям, имел наиболее прав на преемство. Ныне стал он старейшим, некогда был близким советником обожаемого в Сирии Османа, а позднее нередко руководил управлением в Медине – более подходящего не было другого. Понятно, необходимо было немало отваги, чтобы в данный момент, когда почти все государство уже признало другого, заставить принести себе присягу в качестве халифа. И у того самого Мервана, которого с год тому назад мединцы, воспользовавшись его первым смущением, выгнали из города, она теперь нашлась. В Джабие, там, где когда-то Омар основал свою резиденцию во время объезда Сирии, собраны были все йеменские предводители. Предложено было им на решение разобраться в притязаниях Халида и Мервана, а также добиться единодушия действий всех кельбитов по этому предмету. Сорок дней шли препирательства. Наконец порешили единогласно на присяге Мервану, но при условии, что по смерти его владычество должно перейти в руки Халида, мать которого, вдова Язида, для закрепления договора решалась выйти замуж за Мервана. Вслед

за этим йеменские предводители принесли ему торжественную клятву (3 Зу'ль Ка'да 64=22 июня 684). Теперь оставалось новому халифу только завоевать свой халифат.

Мерван I (64 – Рамадан 65=684 – апрель 685), действуя быстро и энергично, совершил в течение краткого своего управления значительный шаг к цели воссоединения всего государства под владичеством дома Омейядов. Ближайшей задачей предстояло ему подчинить снова кайситов. По всему, что предшествовало, не оставалось никакого сомнения, что их следует принудить к повиновению силой оружия. Подобно тому, как и соперники, кайситы поняли, что наступает решительный момент: им необходимо было заручиться помощью Даххака. К личности Ибн Зубейра бедуинов нисколько не тянуло, поэтому они предложили дамасскому наместнику наивысший сан и присягнули ему как своему халифу. Во главе соединенных кайситских войск стоял он у Мердж Рахита²⁸, когда подошел Мерван со своими йеменцами. По пути сюда встретила Омейяда довольно благоприятная весть: лишь только Даххак выступил из Дамаска с войсками, оставшиеся в этом городе соумышленники кельбитов вместе с верными жителями резиденции прогнали наместника узурпатора, признали халифом Мервана и поспешили выслать своему повелителю по мере сил денег и солдат, что немало содействовало желанному усилению его армии. Двадцать дней продолжались стычки на луговинах Рахит; настоящее сражение, понятно, завязалось лишь к концу. Бой был горячий и упорный, но склонился в пользу Мервана и йеменцев; пали тут: сам Даххак, Нуман Ибн Бешир, наместник в Химсе, а с ними многие знатнейшие кайситы. Сирия снова очутилась во власти Омейядов. Хотя Зуфару удалось со своим отрядом запереться в Каркисии, в Месопотамии (древний Цирцезий), и в течение семи лет сильно беспокоить непрерывными набегами кочевавших в сирийской степи кельбитов, но это не имело никакого влияния на главные военные действия. Гораздо опаснее оказались неугасшие воспоминания о луговине Рахит, вечно поджигавшие старинную неприязнь между кайситами и кельбитами: первые никогда не могли забыть своего поражения и не пропускали отныне ни одного случая, ища так или иначе отомстить своим исконным врагам. А между тем вся сила династии, равно как и господство сирийцев, опирались всецело на совокупном единении обеих племенных групп, и возрождение старинного арабского партикуляризма времен языческих должно было с течением времени становиться все гибельнее.

Пока, конечно, Мервану все удавалось: большинство кайситов признало его правление, и он мог вскоре приняться за распространение своего влияния за границами провинции. Небольших усилий стоило ему при помощи Аира Ибн Са'ид аль-Ашдака отторгнуть от Ибн Зубейра Египет, относившийся почти безучастно к борьбе из-за халифата (конец 64=684). На возвратном пути отражен был также Мус'аб, брат Ибн Зубейра, попытавшийся было при первом известии о походе в Египет вторгнуться с войском в Сирию. Дальнейшие движения в сторону Аравии как-то не удавались халифу. Зато одержана была его войсками значительная победа вблизи Евфрата. Вслед за смертью Язида шииты подняли голову в Куфе. После катастрофы при Кер-бела, случившейся благодаря их же трусливости и неспособности, они стали называться «кающимися», подготавливая при первой возможности осуществить свой лозунг «мщение за Хусейна!» Движение это, очевидно, направлено было против Омейядов, а потому Ибн Зубейр вместе со своим наместником в Куфе относились к «кающимся» как к самым дорогим союзникам. Им нисколько не препятствовали, когда в 65 (684) «кающиеся» двинулись толпой, хотя и не особенно многочисленной, как того желал их предводитель Сулейман Ибн-Сурад, все же числом 5 – 10 тыс. человек «против Убейдуллы, убийцы Хусейна», иными словами, против Сирии, куда тот удалился. Направились они сперва в Кер-бела и оросили обильно слезами гробницу своего святого, а затем потянулись чрез Каркисию, где получили от Зуфара и его кайситов значительное подкрепление, в Месопотамию. У

²⁸ «Луговина Рахит» – маленькое местечко восточнее Дамаска.

Айн-Аль-Варда (называемого также Рас аль-Айн) наткнулись они на сирийское войско под предводительством Хусайна Ибн Нумейра. После битвы, которая длилась несколько дней, когда к неприятелям подоспел Убейдулла со свежим войском, «кающиеся» были сломлены превосходящими силами и рассеяны. Здесь был убит Сулейман со многими другими предводителями (Джумада I 65=январь 685). Этим событием снова прерывается едва начавшееся было вторичное возрождение дома Омейи. Как рассказывают, дошло до сведения Мервана, что его племянник Амр Ибн Са'ид аль-Ашдак затевает что-то опасное. Со времени победы над Мус'абом он возмечтал о себе слишком много, а теперь начал строить планы в случае смерти Мервана овладеть самому властью. Положим, сам халиф согласился в Джабии на преемство власти в пользу Халида, сына Язида, но теперь, когда правление было упрочено, он вознамерился объявить наследниками престола своих собственных сыновей, Абд-аль-Мелика²⁹ и Абд Аль-Азиза. Также и Хассан Ибн Малик, вероятно умудренный печальным опытом, когда вся Сирия по смерти Язида стала театром жестоких распри, объявил, что отступает от поддержки прав своего племянника Халида. Таким образом, вся Сирия беспрекословно присягнула сыновьям Мервана, но мать устраненного принца, гордая бедуйка, не могла стерпеть несправедливости, оказанной ее вторым супругом своему пасынку, и вскоре затем раз ночью эта женщина задушила подушкой Мервана (Рамадан 65=апрель – май 685). Понятно, она не могла ничего добиться, кроме удовлетворения личной мести: о Халиде более не могло быть и речи. Абд-аль-Мелик вступил на трон беспрепятственно (Рамадан 65–15 Шавваль 86=апрель – май 685 – 9 октября 705).

Громаднейшую задачу предстояло решить этому достигшему сорокалетнего возраста повелителю. Как раз в это время жесточайшая борьба между сектами и племенами потрясла все провинции арабские вплоть до Оксуса. Беспорядки и отдельные восстания, происходившие доселе, были лишь началом всеобщей резни. А на шею самой Сирии к довершению злключения, как мы вскоре увидим, свалилась как снег на голову война с Византией. Халифат нуждался в перворазрядном властелине, дабы государство, а может быть, и сам ислам не исчезли в водовороте непрерывных внутренних и внешних столкновений. И действительно, Абд-аль-Мелик оказался таким властелином: не даром и по сие время его управление на Востоке считается за синоним мудрого и могучего, доставившего его подданным спокойствие и благоустройство. Обычный в семье поэтический талант соединялся у него с обширным знанием. По тогдашнему времени он обладал замечательным образованием, а в своей юности отличался искренней набожностью. Эпоха междоусобной войны не могла, конечно, служить благоприятной почвой для возрождения редкостного цветка истинно религиозных воззрений у человека, выдвинутого судьбой как значительнейшего члена владетельного дома в средоточие политических движений и интриг. Еще перед сражением при Харре мы уже встречались с ним в роли понятливого ученика отца своего, по меньшей мере теоретически изыскивавшего средства входить в сделку с небом; мы вскоре встретимся с одним его деянием, вероломнейшей изменой, после которого он и в собственных своих глазах распростился окончательно с убеждениями своего прошлого. Тем не менее как человек, Абд-аль-Мелик симпатичен более Му'авии, родственному с ним по искусству управления. Насколько нам известно, ни разу Абд-аль-Мелик не запятнал своего имени отравой и, за исключением единственного отвратительного деяния, в поступках его чувствовалось всегда нечто прямое и могучее, чего не замечалось в скрытной натуре знаменитого его предшественника. Его можно бесспорно признать величайшим из Омейядов, а блестящий период владычества способного его сына Валида – лишь за довершение творения начатого и неуклонно проводимого отцом среди самых трудных исторических положений.

²⁹ «Раб царя», «раб сильного» (собственно Бога).

Если судить только по арабским известиям, первые два года своего управления этот государь, отличавшийся впоследствии столь кипучей деятельностью, провел в состоянии странной апатии. О положении дел в Сирии в 65 и 66 (685–6) предания почти что умалчивают. И было бы прямо непонятным, почему это халиф лишь присматривался с скрещенными руками к происходившему несколько позднее в Ираке, если бы мы не могли почерпнуть данные из византийских источников, свидетельствующие, что там ему слишком много приходилось хлопотать в непосредственной близости³⁰. Дело в том, что со смертью Мервана возникли почти одновременно два великие движения. Вероятно, во время распрей между кайситами и кельбитами произошло движение мардаитов, начавших в весьма грозной форме стремиться к расширению своих пределов. Вскоре же затем (сентябрь 685=Сафар 66) скончался в Константинополе Константин Погонат. Бразды правления перешли в руки молодого Юстиниана II, падкого на всевозможного рода широкие предприятия, и возобновленное Мерваном продолжение мирного договора, заключенного еще при Му'авии, надо полагать, было теперь нарушено. Во всяком случае, византийцы успели уже овладеть несколько позже частью Кипра, а в 686 (66 – 67) императорский генерал Леонтий вторгнулся в Армению. Между тем эта провинция до сих пор преспокойно выплачивала дань Дамаску. Находившиеся в стране мусульмане были частью прогнаны, частью истреблены, а всю Армению с прилежащим Азербайджаном до самого Каспийского моря снова заняли византийцы. Пока Ирак находился в руках Ибн Зубейра либо сектантов, Абд-аль-Мелик не смел и думать углубиться в гористую местность – свидетельницу многократных поражений арабов. Вот почему, когда весной 66 (686) халиф был в состоянии располагать армией вне Сирии, обратил он все свое внимание на Ирак. Вероятно, и мардаиты в течение 65–66 (685) на время отступили в свои горы, а Леонтия приходилось пока терпеть.

Сообразно ходу событий пора нам взглянуть на существовавшее в восточных провинциях положение дел, бывшее и прежде весьма жалким. Басра и Куфа находились лишь номинально под управлением уполномоченных Ибн Зубейра; на первую заседали хариджиты, под последнюю подкапывались шииты, а в отдаленных провинциях, Хорасане и Седжестане, с 64 (683) неумолкаемо бушевала ожесточеннейшая война, возгоревшаяся вследствие бунта Ибн Хазима, одного из подчиненных военачальников Сельма. Здесь боролись не только йеменцы с северными арабами, но и среди этих последних вспыхнула распря между обеими главными их группами – Мударом и Раби'ей. Понятно, турки Кабула и стран за Оксусом воспользовались случаем и свергли снова арабское ярмо; там воцарился величайший порядок. Для всего государства в общем это не имело большой важности, ибо пограничные провинции с их слабыми арабскими гарнизонами легко было потом снова умиротворить, как только центральные страны ислама становились послушным орудием твердо укрепившегося правления. Но в том-то и беда, что именно теперь в Ираке и соседних персидских округах царил беспорядок. Временно стали одолевать хариджиты в Басре, а шииты в Куфе. Ужас, нагнанный хариджитами, которые хозяйничали тут же у ворот города, в Хузистане, и не раз вторгались в самую Басру, оборвал, конечно, сразу все раздоры между аздами и

³⁰ Последующее есть вывод из сравнения византийских и арабских известий о столкновениях Абд-аль-Мелика с византийцами и мардаитами. Арабы приурочивают заключение мира между халифом и императором к 70 (689–90), греки же упоминают об этом самом событии тремя годами ранее (686). А так как обе группы источников цитируют неуклонно в одном и том же порядке главные события – поход Абд-аль-Мелика к Рас Аль-Айн, бунт Амра Аль-Ашдака, мир с греками и устранение мардаитов: то не может быть никакого сомнения в порядке последовательности событий. С другой стороны, ясно, что Абд-аль-Мелик не был в состоянии не только в 69 и 70 гг. (689–690), но также и 65 и 66 (685–686) что-либо предпринять в Ираке и Аравии. Поэтому следует предполагать, что война Леонтия в Армении началась, несомненно, уже в 686, в то же время и византийцы укрепились на Кипре, а мардаиты стали угрожать восстанием на Ливане. Великую связь событий восстановил Ранке (Weltgesch. V, 1, 187) с необычайной ясностью. Только в отдельных частностях, а именно относительно времени заключения мира и в изложении похода Леонтия мы несколько расходимся. Я считаю, например, совершенно невозможным, чтобы византийцы могли после заключения мира в Армении истребить хотя бы часть оставшихся там сарацин.

темимитами. Наместник Ибн Зубейра был охотно признан всеми (Рамадан 64=май 684). Но борьба с сектантами велась вяло благодаря непригодности к войне постепенно изнежившегося в большом городе гарнизона, тем более что самый воинственный его элемент составлял ядро хариджитов. Успехи бунтовщиков безостановочно возрастали, и можно было уже предвидеть, что в самый короткий срок они успеют наконец завладеть городом. В эту самую пору судьба подарила стесненным жителям почти одновременно несколько благоприятных перемен подряд. С возрастанием успехов стали возникать в среде хариджитов заметные разногласия. Самые последовательные между фанатиками, а во главе их Нафи' Ибн Азрак по мере разгоравшегося в сердцах их воинственного пыла, постепенно пришли к убеждению, что следует смотреть и на несовершеннолетних из семей лжемусульман как на неверных, а потому они вместе с родителями подлежат умерщвлению. На это возражали настроенные более умеренно, составлявшие меньшинство, под предводительством Неджды Ибн Амира, из племени Ханифы, что малые дети не ответственны за грехи отцов; их следует пощадить, дать им подрасти, и тогда они сами решат в выборе веры. Приверженцы Ибн Азрака, названные поэтому азракитами, осудили, понятно, недждитон как еретиков. Последние покинули страну и потянулись на родину ханифов в центральную Аравию. Благодаря своим демократическим воззрениям они приобрели там вскоре много приверженцев среди бедуинов и выступили совершенно независимой силой наряду с Ибн Зубейром. Не выказывая прямо неприязненности покровителю Мекки, но несколько и не подчиняясь ему, они все более и более ограничивали его влияние на части полуострова, центральную и южную. Вслед за распадением хариджитов погиб и Нафи' в одной из стычек с басрийцами (65=685), а против его преемника, Ибн Махуза, вскоре выступил достойный противник в лице Мухаллаба Ибн Абу Суфры. Знаменитый полководец временно удалился из раздираемого междоусобицей Хорасана в Басру – местопребывание его семьи. Осаждаемый неотступными мольбами земляков, которые даже ухитрились сочинить для него поддельный указ Ибн Зубейра о его назначении (впоследствии, впрочем, утверждённый), военачальник согласился принять над ними род диктатуры с целью сплотить их силы и избавить наконец басрийцев от беспрерывных нападений сектантов. Трудную задачу образовать годную походную армию из подвижных, но отвыкших от перенесения воинских тягостей, зачастую трусливых солдат он разрешил наконец с большой энергией и искусством. А когда водворилась среди солдат дисциплина, не заставили себя долго ждать и успехи. С помощью неподражаемого военного искусства новому предводителю удалось сперва отвлечь хариджитов из равнин Хузистана в холмистую местность; здесь он разбил их наголову при Силлабре, вблизи Джундешапура (Шавваль 66=май 686), и принудил их бежать далее на восток; сектанты удалились в Фарс, Кир-ман и южную Мидию и продолжали, конечно, по-прежнему производить там беспорядки. Во всяком случае Басра и Хузистан были очищены от врагов, и вскоре вновь назначенный наместник Мус'аб Ибн Зубейр, брат претендента, мог обратить все свое внимание, уже не озабочиваемый здесь никем, на Куфу. А там между тем происходили события самого опасного свойства, заставившие даже некоторое время усомниться в возможности вообще продолжения арабского владычества в Ираке.

Уже в 64 (15 Рамадана – 6 мая 684) поселился в Куфе один человек, самый оригинальный и бессовестный из множества представителей своеобразной беззастенчивости, преобладавшей в то время. Был это сын Абу Убейда, храброго, но несчастного предводителя в мостовом сражении против персов; звали его Аль-Мухтар. Отцовскую отважность соединял он с замечательной хитростью и изворотливостью прожженного интригана. И все столь опасные качества выдающегося этого человека служили послушным орудием для удовлетворения личного эгоизма. По своей натуре Мухтар принадлежал к людям, старающимся во что бы то ни стало пробить себе дорогу. И нельзя отрицать, что ему удалось с достойным удивления искусством из, по-видимому, незаметного заурядного человека преобразиться вскоре в наво-

дающего ужас властителя огромной области. Для достижения цели ему пришлось, однако, предать своих соплеменников персам: тут-то и сломал он себе шею, и поделом. Жители Куфы распадались в то время на пять групп: персов-патриотов, державшихся крепко своей старинной веры, – это были купцы, ремесленники и т. п., терпимые победителями или служившие у арабов в качестве рабов; персидских мусульман, большей частью бывших прежде рабами, выкупившихся из рабства и ставших, весьма понятно, шиитами; арабских приверженцев Ши'ат-Алий; староверующих, группирующихся вокруг наместника Ибн Зубейра, и, наконец, сочувствующих Омейядам, старинных сподвижников Убейдуллы. Некоторое число последних все еще не перевелось в городе; теперь, понятно, они должны были волей-неволей сидеть смиренно. За исключением персов, все эти группы, естественно, не особенно резко отличались друг от друга. В каждой из них находилось, вероятно, по несколько сотен более энергических личностей, которым порой удавалось, пользуясь минутным увлечением, сплотить вокруг себя непостоянную толпу горожан; но продолжительный, согласный и последовательный образ действий куфийцев быстро нарушался. Ни один человек в Ираке доселе не мог этого добиться. Во всяком случае, для такой личности, как Мухтар, почва была самая благоприятная. Чего только он не перепробовал! В 60 (680) при Убейдулле участвовал в заговоре в пользу Хусейна, а в 64 (683) вместе с другими потянулся в Мекку на помощь к Ибн Зубейру и содействовал защите святого града, осажденного сирийцами. Им руководил прямой расчет – понравиться претенденту и заполучить от него наместничество в Куфе; но тот скоро понял, с кем имеет дело, и отказал наотрез предоставить этот влиятельный пост подозрительному и опасному человеку. В свое время искатель приключений вернулся в Куфу и тотчас же завязал сношения с крайними арабскими, а по преимуществу персидскими шиитами. Умеренные держались в то время Сулеймана ибн Сурада, но когда этот последний и многие другие из наиболее влиятельных шиитов погибли в походе «кающихся», во главе партии стал Ибрахим, сын вернейшего сподвижника Алия, Малика аль-Аштара. Ближайшей целью Мухтара было склонить на свою сторону последнего, дабы упрочить влияние свое в Куфе. Между тем со смертью Хусейна среди шиитов возникли несогласия по существенному вопросу – кому, собственно, принадлежит право на имамат. По своим воззрениям персидские приверженцы секты никого другого не могли признавать, как только одного из потомков дочери Мухаммеда Фатимы, т. е. одного из малолетних сыновей Хасана либо Хусейна. С другой стороны, арабские шииты, не придававшие большого значения личности Фатимы, но исключительно почитавшие Алия, признавали истинным имамом Мухаммеда, сына другой супруги Алия, взятой им из племени Бену Ханифа. Благодаря своему происхождению назывался он Мухаммед ибн аль-Ханафия, иными словами, Мухаммед, сын Ханифиянки. Была ли это очень прозорливая или же самая ординарная личность – решить довольно трудно. Потомок Алия прежде всего хотел жить спокойно в Медине; ему приходилось поэтому тщательно избегать столкновений с Ибн Зубейром, хотя в качестве сына покойного халифа он не мог одобрить его притязаний на халифат. И вот, для привлечения арабских шиитов на свою сторону, Мухтар объявил себя уполномоченным Мухаммеда. При помощи искусно подделанного письма ему действительно удалось привлечь на свою сторону Ибрахима со всеми его приверженцами. Мухаммед, впрочем, вынужден был силой обстоятельств сам несколько придерживаться Мухтара, даже впоследствии действительно признал его своим представителем в Куфе, когда для усиления своего авторитета в Мекке Ибн Зубейр вздумал было требовать неотступно от него присяги, отклоняемой с равным упорством сыном Алия. Понуждать же силой претендент не посмел с тех пор, как шииты возымели в Куфе преобладающее значение. А это случилось непосредственно после того, как Мухтар обеспечил себе поддержку Ибрахима, 14 Ра-би I 66 (9 октября 685) шииты внезапно напали на войска Ибн Зубейра в Куфе и легко их одолели. Наместника прогнали, и Мухтар стал властелином главного города

Ирака, а вслед затем и всей провинции до границ Басры. В том же самом году сделана была попытка возбудить восстание и в последнем городе, но безуспешно.

События следующего года можно сравнивать со знаменитой дуэлью втроем, по условиям которой каждый из соперников метит в своего соседа. Прежде всего Мухтар распорядился схватить в Куфе убийц Хусейна: Шамира, Омара и состоявших тогда у них под командой солдат. Казнили всех. Затем новый правитель провозгласил священную войну главным виновникам катастрофы – Убейдулле и Омейядам. С величайшим коварством пользовался он всем могущим разжечь фанатизм шиитов: для последователей учения Ибн Сабы отыскали подлинное седалище, на котором, по достоверным сведениям, восседал некогда Алий; подобно скинии завета иудеев эту святыню возили в торжественной процессии на лошаке. Держались голуби, изображающие из себя ангелов, и выпускались в самый разгар битвы, дабы заставить уверовать простаков в прилетевшие на помощь к правочерным небесные силы. Одаряли и деньгами; персидские вольноотпущенники накидывались с жадностью на дождь монет, бывших когда-то достоянием одних их господ – арабов. И весьма естественно, что глубоко запавшее ожесточение порабощенного народа, получившее в первый раз по истечении полустолетия возможность натешиться мстью над чужеземным утеснителем, нередко проявлялось с дикой, страшной яростью. «С позаимствованным у самих же арабов мужеством и чисто персидской ненавистью» эти люди, составлявшие по преимуществу городскую чернь, набрасывались под благовидным предлогом отыскать всюду убийц Хусейна на все, носящее имя араба. И вскоре воцарился в Куфе настоящий террор, от которого могла спасти лишь принадлежность к Ши'а, да и то не всегда. Злоба этого первого проблеска национального персидского духа, направленного против арабского владычества, слишком понятна, но со стороны Мухтара было не только государственной изменой, но в то же время и ошибкой предоставить простор, и в таких широких размерах, персидскому элементу. Изю дня в день стали осаждать Мус'аба в Басре обобранные и обиженные беглецы. Да и действительно, нельзя же было допускать, как ни взглянуть на дело, чтобы вышедшие из рядов покоренных народов давили арабов в самом центре государства. Немедленно же послано было повеление Мухаллабу сдать команду над войском, действовавшим против хариджитов, другому, а самому спешить обратно в Куфу (Рамадан 67=март 687).

Однако раньше, чем осуществилось это нападение, уже с другой стороны сделана была попытка положить конец произволу Мухтара. Умерщвление убийц Хусейна, несомненно, было прежде всего публичной пощечиной Омейядам и их приспешнику Убейдулле. Если бы даже Абд-аль-Ме-лик и не прослышал, что шииты намереваются вскорости вновь повторить поход «кающихся», все-таки халиф был поставлен в необходимость по возможности поспешнее направить войска против куфийцев. Туда же влекли его, как мы видели раньше, и высшие соображения: как раз в это время византийцы заняли Армению. Поэтому он отправил все того же Хусайна Ибн Нумейра с Убейдуллой с сильным войском в Месопотамию в конце 66 (весной 686). Прямой путь вниз по Евфрату сторожил Зуфар в Каркисии; щадить его пока было делом благоразумия, так как в сирийском войске находилось множество кайситов. Поэтому сирийцы потянулись далее на север к Мосулу, чтобы оттуда спуститься беспрепятственно по Тигру к Мадайну, но извещенные вовремя шииты поспешили воспрепятствовать вторжению врагов в Ирак. Оба войска сошлись на левом берегу Тигра, неподалеку от Мосула при Хазире, реке, впадающей с севера в великий Заб. Сирийцы далеко превосходили в военном искусстве сектантов, и когда (Мухаррем 67=август 686) начался бой, скоро стали одолевать противника. Но лишь только выпущены были голуби Мухтара, шииты воодушевились, упоая на божескую помощь, и в то же время заколебалось неприятельское левое крыло, предводимое Убейдуллой и сплошь состоявшее из кайситов. Пронесся по рядам их громовый клич: «мщение за луговину». Хладнокровно присматривались они потом, как враг поражал йеменцев, тоже пришедших в замешательство от неожиданной измены земляков.

Убейдулла и Хусайн оба пали в сражении, а войска их рассеялись – свершилась отмстка за Кербела.

Недолго Мухтару пришлось радоваться своей победе. Не прошло и полугода, как в область Куфы вторгнулось предводимое Мухаллабом войско Мус'аба. После нескольких предварительных стычек закипел решительный бой вблизи Куфы, у Харура, на том самом месте, где когда-то первые хари-джиты отделились от Алия. Арабы Ирака, за исключением разве чистейших фанатиков шиитов, уже давно тяготились Мухтаром. Ибрахим ибн Малик, назначенный после победы при Хазире наместником в Мосул, тоже покинул Мухтара на произвол судьбы. Куда же было ему при неравенстве сил справиться с Мухаллабом. Положим, персы ставили теперь на карту свое национальное существование, приобретенное с таким трудом, и храбро сражались за Мухтара; но все-таки ему пришлось поздно ночью отступить в город. Много еще дней держался Мухтар в укрепленном вокруг своей резиденции квартале с оставшимися ему верными 6000–7000 приверженцами. Но когда окончательно исчезла надежда на помощь Ибрахима, он потребовал от окружающих попытки пробиться с ним вместе или же по крайней мере дорого продать жизнь. Персы заволновались, подобное отчаянное предприятие показалось им ужасным, они сдались безусловно, рассчитывая покорностью спасти себе жизнь. Но не такой был человек Мухтар, чтобы согласиться на унижение, да и не мог он питать никаких иллюзий насчет предстоявшей ему участи: с 19-ю из храбрейших он ринулся в ряды неприятелей и после упорной схватки был изрублен (14 Рамадана 67=3 апреля 687). Так кончилось восстание шиитов, а с ним и попытка персидского народа снова отвоевать себе самостоятельность. Мщение арабов господ было ужасно: по настоянию обозленных куфийцев Мус'аб повелел перебить всех пленных, по большей части персов. Шиитизм не был, однако, окончательно искоренен: не появляясь въявь, он распространялся в течение долгого времени при помощи тайной пропаганды, столь подходящей к лживому характеру перса. Учение об истинном имаме из дома Алия мало-помалу заполонило все восточные провинции.

Итак, один из трех борцов пал. Ибрахиму нетрудно было помириться с Мус'абом, который желал заручиться содействием этого влиятельного человека, но наместничество Мосула вручено было надежному Мухаллабу. В этом значительном пограничном городе полководец мог одновременно наблюдать за сирийцами на западе и византийцами на севере. Вскоре же, по-видимому, предстояла развязка борьбы между обоими оставшимися соперниками, но новые побочные обстоятельства снова отсрочили ее. Заместитель Мухаллаба в войне с хари-джитами не обладал искусством своего предшественника. Неприятеля сумели его провести рядом маршей и контрмаршей, так что в 68 (687) сектанты выступили внезапно из внутренней Персии, заняли Мадайн, подступили к Куфе и чуть было ее не взяли. Отброшенные с великим трудом, они опустошили Мидию, взяли Рей (Тегеран), осадили Испагань и вернулись снова в Ирак. Предводимые новым полководцем, Катари Иба аль Фуджа'а, одаренным замечательной энергией и смелостью, хариджиты разлились по стране неудержимым потоком. Мус'аб уразумел тотчас же, что справиться с ними впору разве Мухаллабу. Испытанный полководец был снова выдвинут против сектантов, а место его в Мосуле занял Ибрахим. И Мухаллабу пришлось напрячь все силы, чтобы удержать хариджитов под стенами Басры и Куфы. Как кажется, более ничего он не мог пока и сделать: что-то не слышно за первые годы войны о больших победах. С своей стороны и Мус'аб вынужден был развернуть почти все свои силы против хариджитов, о движении же через Мосул на сирийцев нечего было и помышлять.

Однако годы 67–70 (686–689) и Дамаску нелегко достались. После сражения у Хазира, несомненно, еще долго приходилось Абд-аль-Мелику утишать ожесточение, возникшее между раздраженными йеменцами и кайситами; немало также хлопот доставляли ему и мардаиты. Когда же в 69 (688 – 9) он двинулся наконец с войском в Месопотамию, то у Айн-

Вар-да его настигла весть, что за спиной у него в Дамаске вспыхнуло опасное восстание. Двоюродный брат халифа, Амр Ибн Саид Аль-Ашдак счел момент удобным для того, чтобы предъявить снова притязания на халифат, и ему посчастливилось склонить на свою сторону часть Омейядов, не совсем довольных слишком энергическим правлением Абд-аль-Мелика. Вернувшемуся назад с войском повелителю удалось заставить Амра положить оружие, но лишь после формальной капитуляции, по которой даровались восставшему жизнь и свобода. Вот тогда-то Абд-аль-Мелик; дабы раз и навсегда искоренить подобное действительно чудовищное неповиновение в среде своей же собственной семьи, нарушил слово, торжественно данное им: он повелел связать Амра и так как собственный брат халифа, Абд-аль-Азиз, не пожелал исполнить приказание умертвить пленного, то повелитель потребовал пику и меч и собственноручно зарезал лежащего у его ног безоружного самым отвратительным образом. В тот же самый день, гласит предание, допущена была к аудиенции вся знать. Посыпались снова отовсюду благоговейные приветствия «повелителю правоверных», а перед халифом лежал в то время развернутый Коран. Он захлопнул наконец священное писание и воскликнул: «Да, это отделит меня навсегда от тебя». Порядок был окончательно восстановлен в столице, но мардаиты, ободренные, вероятно, слухами о возникших было беспорядках в Сирии, снова зашевелились в Ливане, и в то же время византийцы, как кажется, предварительно укрепившись на Кипре, предприняли последовательный ряд грозных передвижений из Армении в пределы северной Сирии. Так или иначе, Абд-аль-Мелику пришлось решиться на заключение с греками нового договора, который, как ни унижителен был с виду, все-таки представляет собой в сущности образцовое произведение дипломатического искусства. Императору возвращалась Армения и половина Кипра³¹, сверх того халиф обязывался уплачивать значительную дань, а взамен этого Юстиниан обещал не только прервать на будущее время всякие сношения с мардаитами, но и понудить их покинуть страну и переселиться в византийские пределы. Промах, сделанный греками в данном случае, для нас поистине необъясним. Для каких-то минутных выгод византийцы решались на устранение воинственного племени горцев, засевшего глубокой занозой в арабское тело и оказывавшего постоянно неоценимые услуги грекам. Рядом с этой политической близорукостью не менее поразительно было также и то чисто греческое коварство, с каким Леонтий, наблюдавший из Армении за приведением в исполнение договора, приказал умертвить главного вождя мардаитов, дабы удобнее было от имени императора согнать в кучу преобладающее большинство годных к военной службе горцев и вывести их из страны. Переселенцев расселили по разным пунктам византийской империи (70=689). Незначительное количество оставшихся на месте не могло уже более вредить Дамаску. Наконец-то настал момент, когда Абд-аль-Мелик мог со всеми своими силами обрушиться на Абдуллу ибн Зубейра.

Положение напоминало прежние отношения Алия к Му'авии лет тридцать тому назад. И теперь Омейяды стояли твердой ногой в Сирии и Египте, а антихалиф номинально владел Аравией и всеми восточными провинциями. Но силы последнего дробились еще войной с хариджитами и отчасти поглощались внутренними смутами в Хорасане. Тем более было необходимо Абдулле собрать все, что находилось под рукой, и встретить сильным ударом нападение сирийцев, а еще лучше постараться предупредить неприятеля; но его стесняли в известной степени возникшие с недж-дитами неприязненные столкновения. Первоначальный нейтралитет этих хариджитов Аравии сменился внезапно враждебным положением с той поры, когда Мус'аб произвел из Басры в 69 (689) напрасную попытку оттеснить их с северо-востока полуострова. Впрочем Неджда не был пока в состоянии предпринять нападение на Медину, вскоре затем (около 71=690) недовольные из среды его же секты умертвили предводителя и выбрали на его место другого. Во всяком случае, едва ли арабские

³¹ * Ср. Ranke. V, 1, 188, прим. 2.

хариджиты могли вое-препятствовать Ибн Зубейру, если бы даже он сам непременно желал оставаться в Мекке, послать Мус'абу в подмогу против сирийцев хотя бы некоторую часть войск. Но в отношения между братьями, несомненно, закралось недоверие. Абдулла был набожен и скуп, Мус'аб – весельчак и мот. Прикрываясь высокопарными изречениями, давно уже разучился первый жертвовать своей собственной драгоценной особой, и другой, конечно, не особенно любил входить во все подробности сам – оргии и любовные похождения поглощали всецело его время; но когда замедление грозило явно опасностью, Мус'аб всегда готов был предупредить несчастье с энергией, не щадя себя самого. Его жестокость по отношению к шиитам Куфы, возбудившая в широких кругах негодование, послужила поводом к временному его смещению с занимаемого им высокого поста. Когда же он был снова назначен на прежнее место, у Абдуллы засело в голове, что брат его, простой наместник, действует чересчур самостоятельно и самонадеянно. Одним словом, между этой разнохарактерной парой братьев никогда не могло существовать полного согласия. Казалось, следовало бы об этом забыть теперь, когда на обоих надвигалась гроза. Между тем Абдулла не шевельнул и пальцем во все время борьбы сирийцев с Мус'абом; словно барсук в берлоге, он улегся в своей Мекке один-одинешенек и высидел до конца. Разве этот последний акт его жизни не служит лучшим доказательством полной политической неспособности? По своей натуре он принадлежал к тому именно разряду людей, которые не в состоянии ни на что сами решиться и все ждут каких-то необычайных событий, могущих без их ведома изменить весь строй обстоятельств. Судьба уже раз преподносила ему при смерти Язида неисчислимое благополучие, но он не сумел воспользоваться им; счастливый случай промелькнул мимо и вторично не представлялся. Абд-аль-Мелик и не помышлял умирать в угоду ему. Наоборот, в данный момент халиф с величайшей энергией принялся готовить своему сопернику печальный конец. Все сирийское войско к 71 (690) было поставлено на ноги, а к концу лета уже выступало с севера Сирии в поход. На этот раз армия подвигалась вниз по течению Евфрата. Недолго, хотя и храбро, защищал Зуфар Каркисию, ввиду же превосходных сил неприятеля выказал наконец готовность уступить. Не в характере Омейядов вообще было препятствовать отступлению врага. Заключен был почетный и выгодный договор с кайси-тами; хотя он не мог устранить окончательно раздоров между войсками халифа, состоявшими большей частью из йеменцев, и исконными их врагами, но по крайней мере отдалил на десяток лет потрясающее событие, подобное хазирскому. Сирийские войска следовали далее влево от Евфрата, а Мус'аб при первом известии о появлении неприятеля также переправился со своими куфийцами через реку. В окрестностях Мескина, у малого Тигра (Дуджейль), неподалеку от монастыря Католикоса³², сошлись обе армии – Омейядов и Зубейритов. По издавна заведенному обычаю Омейядов в неприятельский лагерь проникли тайные агенты, рассыпая направо и налево золото и обещания, оделяя окольными путями иракских офицеров посланиями с весьма соблазнительными предложениями. А для них, собственно говоря, за исключением разве искренних приверженцев Алиа, выбор между Зубейром и Омейядами не составлял большой разницы. Положим, восстание, затеянное было одним из доверенных лиц Абд-аль-Мелика в Басре, не удалось, но неприятелю пришлось оставить в городе сильный гарнизон. Между тем Мухаллаб был в отсутствии, он по-прежнему сражался с хари-джитами в глубине Персии; у Мус'аба под рукой оставался один только надежный полководец – Ибрахим, сын Ашта-ра. И тот в свою очередь вместе с прочими получил тайное послание от Абд-аль-Мелика, но он один из всех показал полученное письмо главнокомандующему, которому все изменяли. Им обоим не приходилось склоняться к ногам Омейяда. Дошло наконец дело до сражения у монастыря Католикоса. Большинство иракцев

³² Дейр-аль-Гатилик. Гатилик (по общепринятому произношению Джатилик) – греческое catolicos, титул патриарха разных восточных христианских сект.

струсило и воздержалось от боя. С несколькими тысячами оставшихся верными знамени военачальники сделали все, что могли, и пали смертью героев. Рядом с Мус'абом погиб и его сын Иса, не пожелавший покинуть отца в крайности (13 Джумада II 71=22 ноября 960).

Когда известие о гибели главнокомандующего дошло до Мухаллаба, недолго размышлял полководец, как ему поступить. Он понимал очень хорошо, что ему, представителю арабского владычества в Персии и заклятому врагу секты хариджитов, совершенно безразлично, кто бы ни стал разыгрывать роль халифа там, далеко на западе – Абд-аль-Мелик или ибн Зубейр. И он объявил без дальних околичностей, что готов признать Абд-аль-Мелика. Халиф утвердил его в прежнем сане и тем охотнее, что полководец был по происхождению йеменец, подходя как раз к преобладающему в Сирии направлению. Хотя в 72 (691) новый наместник, посланный Абд-аль-Меликом в Басру, вздумал было без ведома халифа сменить этого полководца, но уже в 74 (693) его снова назначили. Преемники его терпели постоянные поражения от неутомимого Катари, отстаивавшего свое дело по образцу старинных героев степей – мечом и песней. Мы скоро увидим, каким образом даровитый военачальник успел окончательно разрешить свою трудную задачу, пока же Абд-аль-Мелик довольствовался и тем, что по крайней мере Басра не попадет снова в руки хариджитов. После присяги, принесенной куфийцами новому повелителю Ирака, первой заботой халифа стало, понятно, покорение священных городов и уничтожение Абдуллы ибн Зубейра. Медина была занята без сопротивления; наместник Ибн Зубейра рассудил заблаговременно скрыться. С Меккой, однако, требовалось обойтись поосторожней. Если Абд-аль-Мелик сам распустился раз и навсегда со своим Кораном, то многие из его подданных так или иначе держались еще крепко священного писания. Надо было хорошенько дообдумать, где бы отыскать человека, подобного Муслиму либо Ибн Нумейру совесть которого не помешала бы в случае нужды обстреливать хотя бы святой храм. Старинные приверженцы, единственное вероисповедание которых, если они какое и имели, заключалось в преданности к дому Омейи, пали все искупительной жертвой мщения за Хусейна. Приходилось действовать на авось. Вышние чины безразлично устранились от исполнения далеко не лестного поручения. Выискался, однако, один из второстепенных офицеров, до сих пор ничем особенно не отличившийся; он сам навязывался под предлогом, что ему приснилось, будто он сдирает кожу с Ибн Зубейра. Человеку этому – звали его Аль-Хаджжадж Ибн Юсуф, из племени Сакиф – не часто приходилось прежде грезить: он был бедный школьный учитель из Таифа, за что потом нередко корили его прошлым. Во всяком случае, он принадлежал к числу тех исключительно редких школьных учителей, которым удалось закончить великую войну. По какому-то странному капризу ему-то и вручил Абд-аль-Мелик начальство, а Хаджжадж вскоре же выказал себя, каков он есть на самом деле. Новый полководец, который так же мало, как и Ибн Нумейр, стеснялся святостью Мекки, обложил город со всех сторон. Заработали без перерыва метательные машины, а вылазки осажденных каждый раз были отражаемы с успехом. Шесть месяцев стойко выдерживали мекканцы осаду, но ряды друзей Ибн Зубейра поредели от страшного голода. Хаджжадж и не думал питать злобы к врагам: стоило только сложить оружие, и в лагере принимали каждого благосклонно. Вскоре кругом Абдуллы остались лишь немногие. За последнее время претендент только и делал, что усердно проповедовал. Но наконец араб взял верх над духовным владыкой. Как передают, склоняясь на увещания своей столетней матери, Абдулла решил покончить свою неудачную жизнь честной смертью воина и пал вместе с горстью преданных 14 (или 17) Джумада I (14 октября 692).

Итак, с антихалифом было покончено, но все еще Абд-аль-Мелик не достиг конечной цели – воссоединения всей территории ислама под одним скипетром сынов Омейи. В сущности он властвовал ныне лишь в Сирии, Египте, северо-западе Аравии и Ираке. В большей части Аравии, Мидии и Персии хозяйничали хариджиты, а Хорасан был раздираем племенной враждой азов, мудари-тов и раби'итов. Сходство основных черт управления халифа с

приемами Му'авии высказалось и тут в яркой форме. Захотелось и Абд-аль-Мелику иметь своего Зияда, и он нашел его готового в лице Хаджжаджа, школьного учителя из Таифа. Все чаще и чаще стали получаться халифом в 75 (694) жалобы Мухаллаба. Этот полководец никак не мог справиться с хариджитами благодаря тому именно обстоятельству, что жители Куфы и Басры после восстановления спокойствия в Ираке и слышать не хотели о тягостной борьбе с раскольниками в персидской и мидийской гористой местности. Когда наместники высылали на подмогу к полководцу отряды, люди попросту, никого не спрашиваясь, возвращались к себе домой при первой возможности. В это время Хаджжадж, распорядившись по-свойски и весьма грубо в Медине с остатками староверующих, вдруг получает приказ о своем назначении на пост наместника всего Ирака. Тотчас же отправился он в Куфу, а в Раджабе 7 5 (ноябрь 694) уже въезжал в город. Подобно Зияду сложилось у него правильное убеждение, что прежде всего нужно уметь говорить с народом прямо без обиняков, чисто по-арабски. С утренней зарей нагрянув неожиданно в город, новый наместник направился в мечеть и приказать собрать всю общину. Между тем куфийцы, с тех пор как им удалось прогнать Убейдуллу, несколько поотвыкли от повиновения наместникам. Не принимая даже в расчет восстания персов при Мухтаре, положения совершенно исключительного, за последние десять лет жители делали что хотели и почти всегда наперекор воле так называемых эмиров. Поэтому толпы беспечно повалили в мечеть. Говорили, что какой-то человек, приехавший с закрытым лицом, хочет там что-то сообщить общине. Многие спешили в надежде принять снова участие в свеженьком, веселеньком скандале. Их постигло, однако, неприятное разочарование. Когда вся община собралась, поднялся на кафедру какой-то никому не известный человек. Вместо обычного «хвала тебе, Создатель», которым начиналась каждая речь в этом священном месте, незнакомец провозгласил, срывая с лица покрывало и цитируя строфы одного языческого поэта³³:

«Я сын того, кто светит³⁴ и над горами воспаряет. — Лишь только я сорву покрывало, вы меня узнаете!

О, клянусь Богом, — так продолжал он далее, — я взвалю на зло всю тяжесть ответственности за него, я выкраиваю наказание по мерке³⁵, и за равное воздаю равным. Клянусь Богом, я вижу головы, которые уже созрели, настало время скосить их, и мне чудится, что кровь уже струится меж чалмами и бородами...»

Через несколько строф он воскликнул:

«Жители Ирака, я вам не винная ягода, которую можно сдавить, и не верблюд, которого можно запугать, гремя старым бурдюком³⁶. Меня ощупали, чтобы узнать мой ум³⁷, и на ристалище я уж добежал до столба. Повелитель правоверных, Абд-аль-Мелик, рассыпал свой колчан и испробовал зубами древки стрел своих³⁸. Меня он избрал — крепчайшего из всех и на излом тугого. И вот он послал меня к вам — давно уж вы упорствуете в заблуждении, блуждаете в своем ослеплении. Клянусь Богом! Драть кожу буду с вас, как дровосек кору с деревьев, и скручу вас и буду бить, как мимозовые ветви (листья мимозы употребляют на дубление. Шипы препятствуют обрыванию, поэтому стягивают и связывают ветви веревкой,

³³ Сухейма, жившего неоспоримо при Османе, но примыкавшего по своей манере к старым языческим поэтам.

³⁴ То есть я уподобляюсь первому рассвету утра, при виде которого каждый восклицает: вот он, светящий! В переносном же смысле: я тот, кто преодолевает все трудности, подобно утренней заре, рассеивающей мрак ночи. И следующее выражение «восходящий над горами» скрывает двойной смысл и может также быть истолковано как «подымающийся на горы», т. е. осиливающий опасные предприятия.

³⁵ Буквально: я выкраиваю (зло как кожу) по сандалиии его.

³⁶ Подобно тому как поступают с пугливым верблюдом, которого подгоняют, постукивая в пустые высушенные меха, и заставляют испуганного шумом подвигаться вперед.

³⁷ Подобно осмотренной по зубам лошади для определения ее возраста.

³⁸ Дабы испытать твердость каждой отдельной стрелы.

а затем бьют палкой по связке. Листья падают на землю, и их собирают.), и исколочу вас, как бьют чужого верблюда... (его подгоняют к воде вместе со своими, а потом прогоняют).

В таком же тоне продолжал наместник и далее. Можно себе представить, до какой степени возмущены были слушатели подобной речью. Когда же под конец по заведенному издавна обычаю новый правитель повелел прочесть официальное послание, в котором Абд-аль-Мелик объявлял ко всеобщему сведению жителям Ирака о назначении Хаджжаджа, и произнесено было вступительное обращение: «От Абд-аль-Мелика, повелителя правоверных, к верующим и муслимам Ирака. Мир с вами!» – не нашлось ни одного в толпе, кто бы произнес согласно этикету. – «Мир также и тебе, о повелитель правоверных!» – Хаджжадж немедленно же крикнул, обернувшись к чтецу: «Стой! А вы, рабы палки (то есть заслужившие палочные удары. – Л. М.), повелитель правоверных вас приветствует, и никто из вас не нашелся воздать должное на привет? Так вот как понимал вежливость Ибн Нихья (бывший доселе начальником полицейских в Куфе. – Л. М.)! Клянусь Создателем, я вас приучу к другой!» – И когда снова по знаку эмира начал чтец послание, все присутствующие в один голос как бы по команде произнесли: «Мир тебе, повелитель правоверных!»

За словами последовали и деяния. Три дня роздыху даровал Хаджжадж куфийцам, а затем погнал всех в поход. Некоторым взбрела было на ум несчастная мысль прикрыть свое неперменное желание остаться на родине более или менее пустыми отговорками; их попросту казнили. С этой самой поры Мухаллаб не имел недостатка в солдатах. 20 Рамадана 75 (12 января 695) он разбил Ката-ри при Казеруне в Фарсе, и началось отступление хариджитов в Кирман, медленное, но постоянное. В этой области между сектантами возник новый раскол из-за того, что многим не нравился образ действий Катари. Полководцу халифа оставалось только преследовать отдельные отряды и уничтожать их без особых затруднений. Сам Катари погиб в 77 (696), вместе с ним закончили свое существование так называемые азракиты – наиболее отчаянные фанатики из хариджитов. Конечно, приходилось и впоследствии усмирять в некоторых провинциях новые вспышки пуритан. В Аравии, по-видимому, десятки лет спустя после того, как окончательно усмирены были в 73 (692) неждиты, вспыхивали изредка новые движения, но о них до нас не дошло точных известий. Гораздо опаснее, во всяком случае, были отголоски хариджитского восстания в Ираке и Персии. Пока Мухаллаб побеждал Катари в Фарсе и Кирмане, вдруг у Мосула (76=695) появились целые толпы хотя менее фанатических и свирепых, но все-таки храбрых сектантов под предводительством Салиха Ибн Мусарриха. А по смерти его даже на Хаджжаджа навел страх в 76 и 77 (695 – 6) преемник его Шебиб Ибн Язид, соединявший большую энергию с человеколюбием по отношению к мирным жителям страны. Тщетно упрямый наместник Ирака пытался сломить в открытом поле этого пылкого поборника чистого учения об исключительном верховенстве Аллаха и общины. Поражения следовали за поражениями, как вдруг к концу 77 (в начале 697) несчастный случай избавил сразу наместника от опасного врага. Вместе со своим боевым конем Шебиб сорвался с моста и утонул в волнах вздувшейся речки Карун (в Хузистане). С ним рухнуло и защищаемое им дело. Безмерное ожесточение арабов Персии и Ирака на строгости Хаджжаджа понемногу утихало, хотя потребовалось не раз еще возобновлять борьбу, чтобы подавить всякое сопротивление; но зато нигде в этих провинциях более не доходило впоследствии до общего восстания. В 78 (697) Абд-аль-Мелик мог уже убаюкивать себя полнейшей уверенностью, что всяческое неповиновение придушено на всем протяжении громадного государства.

Однако уроженцы Куфы и Басры, которые постоянно и довольно успешно изыскивали увертки, когда действительно важное предприятие требовало их поддержки, всегда были готовы, увлекаясь самыми невероятными расчетами, принять участие в любом рискованном предприятии. Всячески они старались готовить халифу и его заместителю в Куфе какой-нибудь новый и неожиданный сюрприз. В данный момент они предусмотрительно

выбрали первым местом своих действий отдаленный Кабул, чуть ли не на самой индийской границе. Еще до падения Ибн Зубейра Абд-аль-Мелик повелел привести к присяге Ибн Хазима в Хорасане. Когда же тот вздумал уклониться, против него был направлен подчиненный ему полководец, командовавший в Мерве, который с помощью других одолел и умертвил строптивого наместника (72 или 73=692, 693). Послали немедленно и туда, и в Седжестан новых наместников. Кое-какой порядок был восстановлен, но требовалось еще многое сделать. В 78 (697) по усмирении хариджитов туда же отправился с широкими полномочиями Мухаллаб, одержавший некогда в этой местности немало побед. Укрепившись твердо в Хорасане, он стал вскоре тревожить частыми набегами область Бухары, но старшему полководцу как-то не удавалось завершить свою славную карьеру прочным присоединением земель по ту сторону Оксуса. Управление Седжестаном вверено было одному из наиболее уважаемых куфийских предводителей, Абдуррахману Ибн Мухаммеду, внуку киндита Аш'аса, изменившего Алию. Он считался искусным генералом, и солдаты боготворили его. Рядом предусмотрительных, а равно и энергических военных действий ему удалось мало-помалу вытеснить из Кабула турок, успевших, понятно, во время междоусобной войны снова отречься от ислама; он подчинил также гористые малодоступные страны нынешнего Афганистана. Но Хаджжаджу, соединявшему в своих руках, как некогда Зияд в качестве управителя всего Ирака, верховное наблюдение над всеми восточными провинциями, редко кто мог угодить; всякий генерал казался ему недостаточно энергичным. Вечно жаловался он на их медлительность. Когда же Абдуррахман вздумал заикнуться, что люди его совершили пока достаточно и заслуживают вполне разрешения вернуться на время к своим семьям в Куфу, наместник прислал строгий выговор и повелел немедленно же выступить в поход к индийским границам. Заклокотала гордая кровь киндита: как, с ним, внуком южно-арабских царей, осмеливается говорить таким грубым тоном какой-то школьный учителяшка из Таифа! Солдаты охотно примкнули к вождю, приветствуя радостно его предложение свергнуть тирана и его халифа. Войско повернуло назад (81=700) с ясно выраженным намерением действовать на погибель обоим. По дороге присоединялись к ним отовсюду свежие силы. К величайшей досаде Хаджжаджа Мухаллаб не нашел удобным преградить дорогу возмущившимся, но, с другой стороны, отказался действовать с ними заодно. Между тем какие только были в Персии шииты, хариджиты и другие недовольные, все устремились под знамена бунтовщика. Уже в Кирмане он возымел смелость провозгласить себя халифом. При подобном восстании Хаджжадж никоим образом не мог рассчитывать на иракцев; сирийцев же в его распоряжении было немного, так что даже с посланным от Абд-аль-Мелика подкреплением силы Абдуррахмана далеко превосходили средства наместника. В первом сражении в Хузистане мятежники одержали победу (конец 81=февраль 701), но под Басрой они в свою очередь были разбиты (Мухаррем 82=март 701), благодаря доблестным усилиям начальника конницы Суфьяна Ибн аль-Абрада. Все же нельзя было наместнику удержать за собой город. Абдуррахман потянулся к Куфе, земляки встретили его с распростертыми объятиями, мятежники почти пересекли Хаджжаджу путь через Месопотамию и грозили прервать всякие сообщения его с халифом. Рады-радешеньки были сирийцы, когда удалось им проникнуть до Куфы, на запад от Евфрата, и стать на самой границе пустыни. Теперь, по крайней мере, они восстановили связь со своей родиной. Тут же очутился и Абд-аль-Мелик с главными силами, недоумевая, на что решиться. Неожиданный успех мятежников, к которым притекали ежедневно со всех концов Ирака толпы единомышленников, страшно озадачил халифа. Он решил попытаться справиться с опасным врагом по средством задабривания, столь часто выручавшего Омейя-ов. Не обращая никакого внимания на отсоветывания Хаджжаджа, в глазах которого не существовало иного средства, кроме силы, даже в самых крайних обстоятельствах, халиф послал к Абдуррахману своего родного брата Мухаммеда Ибн Мервана с предложением выбрать для себя любое наместничество и с обещанием ирак-

цам сместить ненавистного главноначальствующего. Сам Абдур-рахман охотно готов был заключить выгодный мир, но его подчиненные, упоенные победой, понято, возгордились и требовали по меньшей мере низложения халифа. Итак, приходилось решить распрю мечом. Много месяцев протекло в незначительных стычках обеих армий у Дейр аль-Джамаджим³⁹. Наконец в Джумаде II 83 (июль 702) дошло до общего сражения. И снова стремительная атака конницы, предводимой Суфьяном, решила бой в пользу сирийцев. Однако иракцы с необычным упорством продолжали войну далее. Потребовалось новое поражение их при Мескине, чтобы убедить большинство в бесполезности дальнейшего сопротивления. В данном случае и Хадж-жадж оказался настолько благоразумным, что значительно облегчил большинству возможность возврата к повиновению своевременным обнаружением амнистии. Лишь несколько тысяч последовало за Абдуррахманом; по той же самой дороге, ознаменованной рядом блестящих побед, принужден был несчастный полководец бежать в обратную сторону. Разбитый снова в Хузистане, он держался еще довольно долго в гористой местности округа Герата, благоприятной для ведения малой войны, отчасти поддерживаемый турками Кабула. Лишь в 85 (704), к концу правления Абд-аль-Мелика, выступил Язид, сын и преемник умершего в исходе 82 (начало 702) Мухаллаба, чтобы положить конец волнениям в соседней провинции. В этой последней войне пал и Абдуррахман, давно уже переставший быть страшным халифу и его куфийскому наместнику. Вместе с ним погас последний возмутитель мира обширного исламского государства. Итак, благодаря энергии двух замечательных людей наступал наконец более долгий период внутреннего спокойствия и внешнего блеска арабской державы.

³⁹ «Черепной монастырь», милях в пяти от Куфы, по пути в Басру.

Глава III. Процветание династии и второй период завоеваний

Управление Хаджжаджа; реформы Абд аль-Мелика. – Арабские монеты. – Сыновья Абд аль-Мелика, Валид – Удовлетворение религиозных интересов, постройки мечетей. – Архитектура; арабески; усовершенствование начертания арабских письмен. – Зачатки исламских наук. – Древнейшие течения в теологии. – Поэзия и придворная жизнь. – Новые завоевательные войны. – Новые завоевания на востоке. – Мусульмане в Индии. Нарушение мира с императором Юстинианом II. – Походы в Малую Азию и Армению. – Лев Исаврийский спасает Константинополь. – Дальнейшие войны в Малой Азии, на Кавказе и Африке. Разрушение Карфагена; гибель пророчицы берберов. – Покорение западной Африки. Граф Юлиан Цеутский – Положение дел в царстве готов. Тарик переплывает в Испанию. – Битва при Вехер (Херес) де-ла-Фронтера – Муса заканчивает покорение Испании. – Отрешение Мусы; вторжения сарацинов во Францию. Битва при Туре и Пуатье. Астурийское королевство.

Существует совершенно неосновательное и тем не менее широко распространенное предубеждение, что духовно подвижный Запад составляет резкий контраст степенному покою Востока, погруженного в тяжеловесную неподвижность. Воззрение это вызвано прежде всего духовной пустыней, царящей, едва ли только надолго, в подвластных современному турецкому владычеству странах Малой Азии и севера Африки, и еще сильнее навевается развертывающимся перед европейским наблюдателем зрелищем оцепенелого нагромождения груд тысячелетних памятников египетской и ассирийской культур. Между тем уже Гёте понимал, что эти выдвинутые рядами перед пирамидами сфинксы свидетельствуют громко о верховном народном суде, напоминают собой великие нашествия, войны и договоры. С той самой поры, когда накапливающееся постепенно понимание содержимых на этих памятниках знаков дает нам все более и более возможность заглянуть сознательно в эту пеструю и деятельную жизнь самых отдаленнейших исторических эпох, мы замечаем с изумлением, что с того самого момента, когда беспокойный арабский элемент начинает определенно воздействовать на судьбы этих стран, сразу уже обнаруживается непрерывное брожение, становящееся почти исключительно постоянным явлением по всему этому широкому пространству, от плоскогорий Центральной Азии до самых столпов Геркулеса. И становится почти невероятным, каким образом могло произойти нарастающее непрерывно развитие в этом новом, вечно волнуемом государстве, в течение всего времени своего существования воспользовавшемся лишь два раза более или менее продолжительным покоем, длившимся сначала 17, а потом 6 лет. Поэтому на первый взгляд кажется недостаточно основательным толковать о процветании династии, которая удовлетворяла только самым необходимым условиям государственного существования, и то не сполна, лишь два десятка лет. Впрочем на суть дела, по-видимому, можно взглянуть несколько менее безотрадно, если припомнить, что в одном только Ираке происходили часто после короткой передышки новые потрясения, меж тем как в Сирии воцарились покой и порядок на целые 55, а в Египте даже на 60 лет. Между тем именно Ирак становится теперь средоточием всех духовных усилий, бродящих в недрах ислама. И эти стремления более и более направляются отныне по пути мирного прогресса посредством разработки прежних основ с исключением всяких революционных новшеств; тем более поразительно видеть этот оазис развития на почве, взрыхляемой непрестанно могучими руками, не допускающими, казалось бы, даже возможности тихого произрастания подобного редкостного цветка. Одна только всезаливающая плодовитость юношески кипучего арабизма, о которой мы и раньше упоминали, была в состоянии более чем на столетие возродить снова и снова благородные силы, погибавшие

в непрестанных междоусобных войнах. Почти невероятно то множество высокоодаренных, творческих голов, какое воспроизводили либо перерабатывали для общего преуспевания эти два города-близнеца – Басра и Куфа, вплоть до позднейших годов Аббасидской эпохи. Тем не менее не подлежит никакому сомнению, что и здесь потребны были, хотя бы на самый короткий срок, более прочные общественные отношения, дабы приучить людей к мысли, что всякое разномыслие теоретического свойства нельзя вводить в практику революционного движения и что следует прежде всего способствовать преуспеванию духовного развития и вызывать его лишь мерами умственного воздействия. Это-то самое установление прочности отношений на несколько десятков лет и составляет главную заслугу Хаджжаджа. Может быть, и без предвзятого намерения преобразился он из школьного учителя Таифского если не в преподавателя Аравии, то в первого оберегателя арабской науки.

Довольно скверно отплатили ему арабские ученые за то, что наместник устроил им уютный уголок для безмятежных занятий. Осаждавшему некогда Мекку, гонителю набожных Медины приходилось быть на дурном счету у историков Аббасидской эпохи; равно как и предшественнику его Зияду, не могли они простить ему строгости и беспощадности, с коими они оба должны были водворять порядок в совершенно одичалом Ираке. Их укоряют в немилосердной жестокости. Меж тем беспристрастный мыслитель видит в них поистине лишь робких школьников, стоит только вспомнить о потоках крови, пролитых Аббасидами, не говоря уже об изысканной до омерзения системе пыток, введенной в употребление этими последними по образцам древнеперсидской. Наша прямая обязанность оправдать образ действий Хаджжаджа. Был он попросту строгим, но справедливым правителем; по заведенному в те времена обычаю он действовал беспощадно там, где было нужно, но никогда не становился тираном, каким изображает его позднейшая подделывающаяся под господствовавшие тогда воззрения история. Даже и она, впрочем, не осмеливается заподозрить редкостную честность этого человека. По смерти наместника, неограниченно управлявшего целой половиной халифата, наследникам осталось его оружие, Коран и несколько сот дирхемов наличными. Во всяком случае, арабы обязаны единственно ему тем, что несколько лет спустя после его кончины, а затем с небольшими перерывами и еще полтора десятка лет, под управлением доблестного Халида Аль-Касрия в Ираке воцарился относительный покой.

Хаджжадж не мог, конечно, предполагать даже, чтобы жители страны были в состоянии вполне изменить глубоко укоренившееся направление; вот почему наместник изобрел новое средство держать их в повиновении. На большом соединительном канале, между Тигром и Евфратом, прорезывавшем с севера на юг Месопотамию и выкопанном или, лучше сказать, восстановленном по приказанию самого же Хаджжаджа, построен был новый город. От Куфы, Басры и Ахваза, главного города Хузистана, очага хариджитов, отстоял он в равном расстоянии. Поэтому и назван он Васит (Срединный город). Благодаря центральному положению крепости, гарнизон надежных войск мог с одинаковой скоростью поспеть в один из названных городов по первому известию о возникших там беспорядках. А как сумел Хаджжадж вдохнуть дисциплину в распущенные войска Куфы и Басры, мы видели уже раньше. С восстановлением внешнего порядка не менее важной заслугой была и реорганизация управления, воспоследовавшая одновременно; не прекращавшиеся в течение 11 лет смуты в Ираке вместе с нескончаемыми походами во всевозможных направлениях бесчисленных полчищ омейядов, шиитов, зубейритов и хариджитов довели земледельческое население страны чуть не до полного разорения. Когда Хаджжадж стал во главе управления, налоги богатой страны упали со 100 на 40 млн дирхемов. Положим, бедственное состояние финансов объясняется отчасти постепенно уменьшающимся доходом поголовной подати, но опустошения, производимые войной, были все-таки главной причиной. Для улучшения пошатнувшегося общего благосостояния наместник предпринял целый ряд целесообразных распоряжений, клонящихся к поднятию производительности земли; всеми силами старался он также под-

держат владельцев земельных участков, оделяя их ссудами из государственной кассы. Но если все подобные мероприятия следует назвать не только благожелательными, но и в действительности принесшими пользу, то другое его распоряжение возбудило сильнейшее раздражение в широко распространенных кружках. Стремясь восполнить громадный недочет в государственных доходах, Хадждадж вздумал отменить в 81 (700) установленное законом освобождение от поголовной подати всех подданных иноверцев, пожелавших принять ислам. Несомненно, это и стало побудительной причиной массовых присоединений мирных жителей к толпам бунтовщиков Абдуррахмана, вскоре нахлынувших со всех сторон на Ирак и поставивших всю едва окрепшую систему управления на волосок от гибели. По преодолении мятежа, однако, распоряжение вошло, само собой, снова в силу и существенно поспособствовало приумножению государственных доходов.

Очень естественно, что Хадждадж со всей своей упорядочивающей деятельностью, простиравшейся кроме Ирака по принятому доселе обычаю и на все в совокупности восточные провинции, находился в самых тесных сношениях непосредственно с халифом. И властелин тоже не менее своего вице-короля крепко был озабочен изысканием мер к упрочению государственного здания; многие в высшей степени целесообразные распоряжения истекали прямо от одаренного прозорливой мудростью властителя. Необходимо было сплотить воедино вечно разрозненные отдельные звенья халифата, пробудить сознание государственного единства в этой разнородной по национальностям, языку и обычаям массе жителей, разбросанной к тому же по провинциям на громадных расстояниях. До сей поры местная администрация находилась в Персии всецело в руках персов, а в Сирии и Египте предоставлена была христианам; персидское и греческое золото обращалось в империи как и прежде, оставляя подданным иноплеменникам как бы иллюзию самостоятельного национального существования. Между тем несовершенства путей сообщения содействовали сохранению грозной обособленности отдельных отдаленнейших округов и устранению влияния центрального управления. Все это подверглось ныне коренной перделке. Удалены были, по крайней мере на первых порах, иноверцы из государственной службы; все счета, производимые административным путем, списки, сношения и т. п. документы стали отныне писаться на арабском языке: вместо византийских и персидских монет с христианским крестом и изображением Хосроя начали выбивать на монетных государственных дворах с 75 (694) особые золотые и серебряные монеты. На них появились впервые кроме мусульманского символа веры и другие классические изречения из корана – о победе имама и ничтожестве христианского и языческого вероучений. Наконец, устроены были почтовые станции по главным дорогам, ведущим от Дамаска в провинции, и учреждена постоянная почта. Известия стали получаться значительно быстрее; в крайних случаях всеми этими удобствами могли пользоваться и частные лица; таким образом, самые отдаленные окраины государства связаны были прочно со столицей.

Вместе с новой организацией управления Абд-аль-Мелику предназначалось судьбой даровать также своим народам целый ряд властителей. Мерван заставил мусульман присягнуть одновременно с присягой Абд-аль-Мелику и его младшему брату, Абд Аль Азизу в качестве будущего наследника. И действительно, с тех пор как в 65 (685) брат халифа был назначен наместником Египта, выказал он, по-видимому, образцовую и поистине необыкновенно благотворную на пользу страны деятельность, вполне соответствовавшую сану грядущего властелина. Между тем Абд-аль-Мелик впоследствии пожелал, и очень естественно, доставить преемство своим собственным сыновьям и под конец жизни неотступно надо-едал брату просьбами отказаться от своего права. Последний умер, однако, ранее халифа (около 85=704); можно было теперь беспрепятственно провести задуманный план. Таким образом, один вслед за другим сели на трон четыре сына Абд-аль-Мелика: Аль Валид (86–96= 705-715), Сулейман (96–99=715-717), Язид II (101-105=720–724) и Хишам (105–

125=724-743); двое из них, хотя не в одинаковой степени, оказались достойными преемниками своего отца; таковым, и притом в самой высокой мере, оказался Валид. Был это властелин энергичный, который по образцу Омара умел на самых отдаленных концах своего государства, на расстоянии тысячи географических миль, твердой рукой сдерживать своих полководцев и наместников. Приближенных старался привязать к себе щедростью, а народ побуждал, что встречается слишком редко на Востоке, к разумным предприятиям на общую пользу и приводил всех подданных в неописуемый восторг воздвигаемыми им огромными и великолепными зданиями. Он оставил после себя громких и почетных свидетелей ревностной заботы своей о народном благосостоянии в разбросанных повсюду дорожных сооружениях, фонтанах, больницах и мечетях; ему же обязаны арабы учреждением первых школ. При этом халиф не позволял шутить с собой; этим он сильно напоминал отца. Заподозрив свою супругу Умм аль-Бенин в том, что она позволяет поэту Ваддаху посещать ее тайно, халиф однажды неожиданно вошел в ее покой. Обожатель, бывший как раз в это время тут, едва успел юркнуть в деревянный ларь, не раз уже послуживший для этой цели. Как бы невзначай сел халиф на ларь и повернул разговор, по-видимому совершенно без умысла, на тему о пристрастии жены к этому самому покою и всей расставленной здесь утвари. Продолжая разговаривать в том же тоне, повелитель наконец обратился к супруге с просьбой подарить ему один из стоящих кругом комнаты ларей. Жена должна была, конечно, изъявить согласие: она не посмела серьезно перечить и тогда, когда Валид выбрал именно тот, на котором сидел. Затем он кивнул рабам, чтобы они снесли ларь в его комнату, находившуюся в нижнем этаже. Быстро выкопана была тут же яма, несколько ниже уровня подпочвенной воды. Туда по приказанию властелина спущен был ларь, а халиф промолвил: «Кое-что и я слышал. Если это правда, да будет тебе это саваном, и мы зароем навеки тебя вместе с воспоминанием о тебе; если же неправда, не беда, если закопаем это ничего не стоящее дерево». Углубление живо забросали и на этом квадрате, покрытом ковром, халиф преспокойно уселся по своему обыкновению. С тех пор и по сие время нет никаких известий о Ваддахе. Умм аль-Бенин никогда до самой кончины не могла прочесть по выражению лица супруга никакого указания на случившееся.

Человек этот, так беспощадно и мудро умевший охранять честь своего дома, с не меньшей энергией и прозорливостью руководил управлением внутренней и внешней политики своего огромного государства. Во всем преследовал он дальше осмотрительные и величавые планы своего отца, равно и Хаджжаджа, бывшего и при нем, как и при Абд-аль-Мелике, вице-королем восточных областей и пользовавшегося неограниченным доверием властелина до самой своей смерти (95=714). Все трое держались крепко убеждения, выработанного еще муавией и Зиядом. Они поняли, что в интересах династии следует противопоставить партии неустанно работавших фанатиков всевозможных сект, имевших целью ниспровержение существующего правления, умеренных ортодоксов средней партии и споспешествовать всеми способами их распространению. Таким образом, постепенно в Ираке и Аравии они могли послужить такой же прочной опорой господствующей системе, какой представлялась в Сирии личная привязанность населения к правительствующему дому. Поэтому Абд-аль-Мелик дозволил Хаджжаджу продолжать начатые им старания склонить набожных людей восточной половины государства на сторону правительства. Так, например, мы слышим, что наместник ревностно заботился о распространении повсюду списков корана, который там, конечно, более, чем во всякой другой провинции, был в то же время символом арабского владычества. То же самое сообщают и о Валиде: требование изучения корана сопровождалось, по установленному раз навсегда обычаю, оказыванием халифом неизменного своего почтения к людям набожным. Та же самая цель преследовалась при сооружении Абд-аль-Меликом и Валидом и доселе сохранившихся в главных чертах больших мечетей Иерусалима и Дамаска. О последней встречается известие, что халиф в самом начале сво-

его правления (конец 86=октябрь 705) понудил христиан за щедрое вознаграждение уступить ему оставленную им еще при Омаре половину большого собора св. Иоанна (I том). Великолепный храм перестроен был вновь в мечеть. И поныне это здание, сильно пострадавшее от пожара в 461 (1069) и опустошения, претерпенного им от монголов при Тимуре в 803 (1401), составляет величайшую достопримечательность Дамаска и сохранило название мечети Омей-ядов. Весьма серьезные основания, по-видимому, заставляют также нас считать Абд-аль-Мелика основателем сооружения, высящегося на горе Мориа, так называемого «Купола Скалы». Обе замечательные постройки, если не принимать в счет Ка'бы, несомненно старейшие нам известные памятники арабской архитектуры и, само собой, свидетельствуют о развитии этого искусства в высокой степени. Для кочевого народа и маленьких городков величественные постройки едва ли требовались прежде, пока не наступил период великих завоеваний; почти повсеместно арабы довольствовались устройством палаток и хижин. Представившаяся, можно сказать, внезапно потребность сооружения достойного для богослужения помещения застала арабов почти совершенно неподготовленными. Ввиду подобных обстоятельств мечеть Мухаммеда в Медине была попросту увеличенных размеров палаткой вроде амбара; недалеко ушли в постройках и в Куфе и других местах в течение первых десятилетий везде, где не представлялось возможности усвоить образцы христианских церквей либо подобных им других величественных зданий. Положим, еще при Омаре сооружена была мечеть на священной горе в Иерусалиме, но совершенно, по-видимому, неосновательно часто упоминаемое обозначение Купола Скалы «Омаровой мечетью». Во всяком случае ничего неизвестно о какой-либо другой постройке второго халифа, а если бы даже она и существовала, то была бы, несомненно, оттеснена на задний план сооружениями Абд-аль-Мелика. Так как возобновляемая попытка обоих мудрых Омейядов, следуя примеру Му'авии, перенести кафедру Мухаммеда из Медины в Сирию не возымела благоприятных последствий, Абд-аль-Мелик решился соорудить на месте чудесной «ночной поездки», совершенной пророком (I том), о которой говорится в Коране (17,1), святыню, могущую в глазах правоверных соперничать с Ка бой. А когда вскоре обнаружилось, что на это трудно рассчитывать, Валид постарался возвести пред изумленными очами народа еще более громадное и великолепное здание в столице, дабы оно свидетельствовало по крайней мере о неразрывном единстве веры и династии. Но не нашлось тогда ни одного араба, знающего толк в подобных предприятиях; пришлось, понятно, обратиться к грекам. Восьмиугольное куполообразное здание «Купола Скалы» рабски напоминает известные византийские образцы; вот почему арабские историки приписывают Валиду, и весьма настоятельно, почин привлечения греческих архитекторов и мастеров. Была это, несомненно, не совершенно новая постройка. Подобно тому, как собор св. Иоанна вместили в своих стенах части языческого капища, точно так и середина мечети Омейядов вместе с куполом, по свидетельству очевидца, громко говорят и при нынешнем состоянии святыни о перестройке ее из византийской церкви. Что же касается сохранившейся частью мозаики внутри и извне, то она как две капли сходна с таковой же в церкви Св. Марка в Венеции. Более же всего может подтвердить наше предположение следующая надпись. На одном замурованном ныне боковом портале начертано по-гречески: «Господь будет царствовать вовеки, Бог твой Сион в род и род...»⁴⁰. Может быть, и не без предвзятой иронии мусульмане не тронули надписи. Но если все существенное в этих древнейших памятниках мусульман христианско-византийское, то учение и обрядность ислама потребовали некоторых изменений в частностях, которые при позднейших постройках постепенно стали влиять и на весь стиль: прежде всего необходимо было ради догматических воззрений устранить все произведения скульптуры и живописи, изображающие человека и другие живые существа. Но так как мусульмане обла-

⁴⁰ По псалму 145.10.

дали значительно большим вкусом, нежели кальвинисты, то они постарались прикрыть и изукрасить голые стены наподобие монет. Вместо картин появились надписи, содержащие исповедание веры и другие подходящие стихи корана, позднее помещались тут же и имена первых четырех правоверных халифов, которые ныне, например, выделяются свыше всякой меры на стенах мечети Айя София в Константинополе. Составляя полную противоположность с нами, жителями Запада, чуть что не гордящимися, по-видимому, умением изобразить как можно угловатее и некрасивее свои письма, мусульмане издавна и с все возрастающей художественностью занимались каллиграфическими усовершенствованиями арабского алфавита. Влечение к этому искусству проявлялось тем сильнее, что для правоверного суннита по крайней мере оно представляло единственную возможность удовлетворения не чуждого и арабу пристрастия к красоте форм. И вот первоначально заимствованные у сирийцев неуклюжие и неказистые начертания букв преобразовывались постепенно в изящные письма, не выделяющиеся, положим, особенно в арабском печатном шрифте, но действующие даже на непосвященного почти обаятельно в тщательно написанной рукописи. Это же стремление выступало и в архитектуре, в орнаментации. Всем известно, конечно, что эти художественно сплетенные фигуры надписей, с окаймляющими их волнистыми линиями и росчерками, впоследствии перешли со стен строений на дорогие материи средневековой восточной тканевой фабрики и всюду стали появляться под названием арабесок послужили они образцами также и для Запада. Эта-то техника и наложила по меньшей мере печать своеобразности и какой-то неуловимой прелести на большинство памятников мусульманской архитектуры. То же самое впечатление, еще более, конечно, усиленное, получалось там, где склонность к украшениям совершенно преобразовывала и строительные элементы, видоизменяя и затопляя вычурными завитками колонны и своды; об этом придется еще много говорить впоследствии, когда мы коснемся истории Испании и Индии. Что же касается некоторых видоизменений, оказавшихся необходимыми в заимствованной от христиан архитектуре ради обрядов мусульманских нужд, достаточно упомянуть об одном лишь наиболее известном. Дабы можно было слышать на дальнем расстоянии призыв на молитву муэззина, понадобилось устроить возвышенное место вне стен мечети. Поэтому непосредственно возле мечети стали воздвигать отдельные башни; имея одно специальное назначение, были они, понятно, высоки и тонки. По внешнему виду своему получили они название минаретов [минарет – «маяк»] и под этим именем стали известны на Западе⁴¹. «Купол Скалы» с удобной обширной платформой для муэззина до сих пор не имеет минарета, а при мечети Омейядов их три, из которых один по крайней мере, по преданию, сооружен Валидом.

Впрочем, ни Валид, ни его преемники не ограничивались одним подражанием греческим зданиям. Там, где требовало благоговейное чувство по возможности оставить неприкосновенным древнее сооружение, как, например, в Мекке и Медине, или же когда не предстояло возможности пользоваться греческими мастерами, они по-прежнему оставались при старом стиле: поддерживаемой столбами зале – так именно, как сам Мухаммед строил. Чаше всего, по примеру Ка'бы, вокруг храма устраивался открытый двор, обнесенный рядами колонн. Сам Валид повелел отстроить по подобному образцу мечеть в Медине (91=710). Она стала неизменным образцом национального арабского молитвенного дома, а значительно позднее до такой степени была усовершенствована архитектурным устройством, что даже выдерживала сравнение с подражаниями византийскому стилю. Об этом нам придется говорить более подробно впоследствии.

⁴¹ На Востоке называются они чаще всего мадинет, а еще точнее ма'занет «место призыва на молитву» (производное от азан, см. том I).

Благоволение, оказываемое сильными мира делам веры, не ограничивалось, однако, лишь одной внешностью. Ради защиты покровительствуемой ими ортодоксии в конце концов они вмешивались даже в богословские прения. Именно теперь духовная жизнь этого замечательного периода пыталась в двух пунктах государства выступить впервые в более определенном смысле. Самое рассмотрение деятельности трех тогдашних выдающихся государственных людей побуждает нас хотя бы в общих чертах изложить эти начинания научной обработки теории ислама.

Всякий, кто только ощущал в себе в то время духовные силы, побуждающие его высказаться, если только поэтическое дарование не увлекало его неудержимо на иные пути, находил один только предмет, достойный внимания: Слово Божие и устные предания о пророке, неизбежное разъяснение первого. Отныне и надолго еще вперед вся научная деятельность сосредоточивалась на одном толковании корана, на собирании, дальнейшей передаче преданий и формулировке учения веры, разрабатываемого на основании данных из обоих первостепенных источников. Вначале, в особенности в промежуток времени от смерти Мухаммеда до конца второй междоусобной войны, подобным занятием предавались люди, исключительно руководимые практическими потребностями: предстоявшие на молитве и судьи. Одному необходимо было с величайшей осмотрительностью позаботиться об изучении священного писания в подлинном его виде, другой должен был строго сообразовать решения свои с постановлениями пророка и его первых преемников; но обоим этим требованиям было далеко не так легко удовлетворить, как это может показаться с первого взгляда. Конечно, со времени Османа Коран переписывался тщательно и добросовестно, а на восстановление его с течением времени обращалось еще более внимания; однако не следует при этом забывать, что арабские письма находились еще тогда в состоянии несовершенства и давали повод на каждом шагу ко всякого рода разногласиям. Достаточно сказать, что писались одни только согласные. Представьте себе, например, на русском языке звуковую группу хотя бы из согласных «*гл*», и сразу же явится сомнение, как читать: голь, голо, гол, гиль, гул и т. д.

Затем добрая половина первоначальных арабских согласных до такой степени были схожи друг с другом, что являлась новая трудность отличать тождественные очертания. Если бы по-русски, например, буквы «с», «т», «я», «н», «б» писались почти одинаково, какая путаница произошла бы при чтении слов, состоящих из этих звуков: пришлось бы не читать, а отгадывать. В довершение всего вначале не было и помину об употреблении знаков препинания, не существовало и прописных букв. Трудненько было разбираться во всем этом природному арабу, но затруднения удесят�ерялись для иноязычных новообращенных, которым сверх того приходилось бороться с трудностями необыкновенно запутанных правил арабского языка. Дабы пособить злу, придумали в Басре изображать гласные точками и черточками, ставя их внизу и сверху согласных, а похожие по начертанию согласные отличали подобного же рода знаками: начало этому положили уже сирийцы, от которых первоначально и заимствована была арабами азбука. Говорят, сам Хаджжадж допустил введение этих пояснительных знаков, конечно, не как и воспоминание о прежнем своем учительском призвании: надо было прекратить раз навсегда все споры о правильности чтения отдельных мест корана, в видах вящего поощрения покровительствуемому богословскому направлению. Во всяком случае это нововведение в те времена получило сразу широкое распространение как неизбежное подспорье. Между тем правильная расстановка различных точек в письме требовала, конечно, основательного изучения языка, но приобрести это знание для того, чтобы при этом достичь прежде всего возможности изучать слово Божие, было в сущности громадным трудом для всех, не всосавших с материнским молоком арабского языка; особенно было это тяжело для новообращенных персов, составлявших в Басре большинство мусульманского населения. Поэтому они и постарались для правиль-

ного, насколько были в силах, чтения Слова Божия придумать всевозможного рода лингвистические законы. Таким образом, совместно с искусством чтения корана, которое и само по себе при возможности разночтений требовало точного изучения, возникла совершенно естественным путем и арабская грамматика. Первые ее зародыши начали развиваться благодаря заботе персидских клиентов именно в эту самую пору в Басре, а к концу владычества Омейядов и в Куфе. Иного рода трудности предстояло победить в области преданий. Довольно продолжительное время распространялись они, особенно при Омейядах, только устным путем. Такая передача не могла, конечно, представлять никаких затруднений для первого поколения, память которого еще не была избалована широко распространенным употреблением письмен, но наступивший вскоре после смерти Мухаммеда раскол в общине усилил и без того несомненную шаткость передачи подобного рода. Каждый из разнообразных толков – староверующие, хариджиты, шииты – считал себя за истинно правоверных. Все они, сознательно или бессознательно, в данном случае безразлично, согласно стремились овеять фигуру Мухаммеда, как пророка, все более и более сиянием чудесного, но начавшиеся несогласия на почве правильного понимания более важных мест корана и выдающихся пунктов учения должны были поневоле значительно усилить стремление каждой партии всюду по возможности искать подтверждения собственных взглядов в тщательно подобранных изречениях посланника Божьего; иными словами, излагались предания односторонне, даже слегка видоизменялись; дошло наконец до того, что спорящие стали сами придумывать новые предания. До какой степени испорчена историческая часть преданий в этом направлении, мы уже достаточно познакомились при изложении жизни пророка. Однако, хотя в поисках за чудесным набожных всевозможных партий подобные искажения не только были терпимы, но даже и поощряемы, насущнейшим жизненным вопросом для всех трех лагерей без различия оказалась строгая проверка преданий, касающихся догматики. По существу дела происходило это непосредственно в форме примерно следующего приема. Приходит А. и говорит: «Пророк там-то и там произнес то-то и то-то». – Б., понятно, задает ему вопрос: «Откуда ты это узнал? – Так утверждает В. – В., конечно, можно поверить, но от кого слышал В.? – Он говорит, сам очевидцем был». В таком случае факт становился доказанным. Если же Б. не вполне доверял В., предание считалось «не совсем достоверным», которым следовало пользоваться с осторожностью или даже прямо его отклонить. Таким путем с течением времени образовывалась более и более длинная цепь передатчиков преданий. А так как с каждым новым звеном увеличивалась ненадежность, то устанавливались, смотря по местности, где поселялись во времена завоеваний древнейшие очевидцы возникновения ислама, особые школы хранителей преданий, на которые возлагалось попечение о дальнейшем развитии науки преданий. Самые почитаемые из них основались в Медине и Куфе, а второстепенные сосредоточились в Басре и Мекке. Из-за опустошения Омейядами города мединская школа рассеяна была на все четыре стороны, но возродилась снова из ничтожных обломков, благодаря высокому почитанию города пророка как наисгарейшего пункта ислама. Тем не менее, однако, в самый расцвет владычества Омейядов изучение преданий вследствие ранее уже указанных причин получило необыкновенно широкое развитие также в Куфе и Басре; даже в Дамаске из-за практических, правда, целей изучением их нельзя было совершенно пренебречь. Само собой, дело это не могло долго ограничиваться одной полумеханической деятельностью собирания, рассмотрения и хранения тысяч и тысяч отрывочных преданий. Должно было постепенно появиться стремление привести их в некоторый порядок, дабы вещественно подходящие части из всего материала можно было соединить и по внешнему изложению. Так из отдельных исторических данных сложилось жизнеописание пророка, а с ним и начало исторической литературы. Из соответствующих местам Корана изречений пророка и его преемников образовались пространные толкования на сам Коран. Судебные же постановления спланивались вместе с законодательными формулами священного писания

в юридические системы. Наконец, вынужденная полемика с неверными, с одной стороны, и неприязненные исламские секты – с другой властно побуждали к разностороннему основательному исследованию и общему изложению главнейших теологических основ учения в виде последовательной догматики. Если эта всеобъемлющая и творческая деятельность достигает полного своего расцвета лишь после окончания периода Омейядов, то корни ее так глубоко проникают еще в первое столетие после Хиджры и отчасти настолько сплетены с политическими превратностями арабской истории, что мы обязаны уже теперь проследить за ней по крайней мере настолько, насколько она касается богословских воззрений, явившихся выразителями всей умственной деятельности того времени.

Пока еще хариджиты не отреклись от общины, до тех пор верующие не особенно-то усердно предавались вообще мудрствованиям о божественных предметах. Набожные мусульмане были народ простой. Достаточно было каждому с наивной верой усвоить пару догматов из корана так, как они представлялись здравому человеческому смыслу. О тонкостях же отличия понятий, а тем паче метафизическом умозрении, они и понятия не имели, знали столько же, сколько о китайском государственном управлении. Когда же высказанные хариджитами мнения о суверенитете общины заставили постепенно в Басре и Куфе задумываться над приисканием истинного и точного смысла отдельных мест корана и вообще заняться основными вопросами, подобное же движение подготовлялось и там, где нельзя было вовсе его ожидать, именно в довольно равнодушном доселе ко всем теологическим предметам населении Сирии. Как ни мало представлялось собственно поводов при первых Омейядах высказывать официальное рвение к делу веры по образцу набожных Медины, но и здесь, в Сирии, не особенно большое число людей, занимавших пост имама или судьи, обязаны были постоянно обращаться к корану и преданиям. С другой стороны, они были сильно заинтересованы в том, чтобы дать себе отчет в основных положениях прилагаемого к жизни вероучения. Приходилось им не раз также сталкиваться с христианским элементом, находившим у Омейядов широкую терпимость. Вплоть до Абд-аль-Мелика, и даже позднее, множество христиан принимало деятельное участие по управлению, да и при дворе и вообще везде обращались с ними милостиво. Поэтому весьма понятно, что одаренные более живым темпераментом как с той, так и с другой стороны вскоре должны были вступить в прения по предмету дел веры. И именно меньшая степень фанатизма, отличавшая даже самых набожных из мусульман Сирии, дала возможность во время взаимных рассуждений об основных теологических положениях незаметно проявиться влиянию христианских воззрений на исламские догматы. Нам известно, например, что один из последних величайших догматиков греческой церкви, Иоанн Дамаскин (род. 676), к отцу которого благоволил Абд-аль-Мелик, написал при позднейших Омейядах в защиту христианской религии против ислама сочинение в форме беседы между христианином и сарацином. Приблизительно к тому же времени можно отнести⁴² появление в кругу мусульман двух учителей, выступивших именно в качестве пропагандистов двух догматических тезисов Иоанна, а именно – милосердного промысла Божия, направленного ко спасению всего человечества, и свободы человеческой воли. Поэтому можно утверждать с большой достоверностью, что оба новых толка обязаны своим происхождением сношениям мусульман с христианами. К сожалению, нам известно весьма немного о воззрениях этих новых исламских сект, получивших название мурджитов и кадаритов⁴³. По-видимому придерживаясь некоторых мест Корана, они отвергали, безусловно, предназначенное предвечно блаженство либо гибель каждого чело-

⁴² Собственно говоря, несколько ранее появления Иоанна, но ведь этот святитель не изобрел же собственной догматики. Он только излагал систематически учение греческой церкви, исповедуемое в его стране.

⁴³ Мурджиты – значит, собственно, «откладывающие». Они проповедовали, что божеский приговор о спасении или гибели человека не непременно установлен предвечно предопределением, а отложен до дня Страшного суда. Кадариты же те, кои предоставляют человеку Кадар, т. е. его судьбу, свободную волю.

века и учили об окончательном решении судьбы, по крайней мере для всех верующих, при кончине мира в противоположение исламскому догмату безусловного предопределения и проистекавшего отсюда непомерного страха пред тиранической волей Бога. Но именно эти последние теологические положения к концу жизни Мухаммеда, несомненно, значительно преобладали и, как мы вскоре увидим, соответствовали воззрениям большинства правоверных.

По-видимому, новое учение стало проникать из Дамаска в Куфу и Басру. По крайней мере мы обладаем достоверными известиями, что в последнем городе в 80 (699) существовали подобного рода учения. Меж тем как в Сирии никто не обращал особого внимания на распространение новой догмы, здесь она наткнулась на довольно сильный отпор. Непрестанные междоусобные войны, жестокие преследования староверующих Омейядами многообразно поддерживали и усиливали в кружках набожных те воззрения, которые залились из души Мухаммеда в период страданий и увенчались учением о предопределении и суровым понятием о существовании Божию, в таком именно виде, как было это изложено раньше (т. I). В особенности одна группа ревностных правоверных, собиравшаяся вокруг высокочтимого за богобоязненность Хассана басрийского (110=728), развила это суровое учение до границ неподдельного пренебрежения ко всему мирскому. Среди них приходилось слышать чуть не ежедневно передаваемое преданием изречение пророка: «Если бы вы знали то, что я знаю, вы бы разучились смеяться и много бы плакали». Аскетические тенденции были, впрочем, не в редкость в Аравии и прежде (т. I), да и христианское монашество всюду, понятно, было всем знакомо. Немудрено поэтому, что к концу владычества Омейядов, одним поколением позже, люди подобного закала начали соединяться в замкнутые общины со строгим уставом. Их звали суфиями по носимой ими шерстяной рясе (суф). Тревожное время, переживаемое арабами при последних Омейядах и первых Абба-сидах, лишь усилило склонность к монашеской жизни, а пример на западе христианства и на далеком востоке буддизма дал этому стремлению новый могучий толчок. Так, постепенно стали развиваться все более многочисленные, сплоченные ордена нищенствующих монахов, получившие и у нас на Западе громкую известность под именем дервишей (по-персидски дервиш – «нищий»). Но это развитие подвижничества следует отнести к позднему периоду. Впрочем, идеи о тщете всего мирского в человеческом ничтожестве перед лицом наводящего ужас Божества были в большом ходу среди правоверных Ирака и именно при Хаджжадже; поэтому жители с неудовольствием стали опровергать занесенные сюда мурджитами и кадаритами учения. Вмешалось в спор и правительство, дорожившее одобрением партии ортодоксов. По приказанию Абд-аль-Мелика, а может быть, Хаджжаджа, в Басре был казнен Мабад из племени Джухейны за то, что осмелился открыто проповедовать свободу воли, а 30 лет спустя подобной же участи подвергся при Хишаме и другой свободомыслящий богослов. Тем не менее движение не могло быть подавлено принудительными мерами. Хотя оно проникло и извне, все же встречало благосклонный прием в некоторых слоях народа, там, где сохранились еще жизнерадостные воззрения арабов. Своим чередом продолжались в Басре богословские препирательства между правоверными и вольнодумцами. Они привели естественным путем мало-помалу к постановке принципиальных вопросов о существовании Божества и откровений; по поводу их завязались жаркие споры между правоверными и свободомыслящими; главные основы исламского учения об этих догматах изложены нами раньше (т. I). Когда Василь ибн Ата, ученик Хассана басрийского, по одному из теологических вопросов уклонился от мнения наставника, тот сказал: «Василь со мной разошелся». С этих пор стали называть свободомыслящих теологов аль-му'тазила – «разошедшиеся». Были они и тогда, а позднее еще более станут опасными противниками ортодоксов в умении обсуждать и спорить; с ними, смотря по обстоятельствам, и правительство начало обращаться более или менее снисхо-

дительно, так что вскоре они распространились значительно, а при Аббасидах одно время играли даже влиятельную роль, о чем будет упомянуто впоследствии.

Ни Абд-аль-Мелик, ни Валид, ни даже Хаджадж не руководились, разумеется, преследуя кадаритов, ничем иным, как политическими целями. Личные религиозные убеждения властелинов вполне соответствовали преданиям дома Омейи, общим с принципами или же, скорее, с привычками мирской старинной мекканской аристократии. Если они считали благоразумным покровительствовать правоверным в Ираке, то нисколько не думали на тех же основаниях навязывать непопулярную в среде сирийских местных войск набожность. Здесь дело шло прежде всего об устранении новых столкновений между кайситами и кельбитами, во всем же остальном неизменным девизом Омейядов было: жить и давать жить другим. Если простая, скудная обстановка жизни арабов, особенно в больших городах, быстро исчезла под давлением чужеземных нравов и нахлынувших внезапно непривычных богатств уже при правоверных халифах (т. I), то мирские тенденции владык Омейядов прямо способствовали еще большему повсеместному усилению роскоши и блеска. И весело же было, к величайшей досаде набожных, в те времена при дворе в Дамаске; мы это уже замечали про период владычества Язида. Не столь опрометчивы, но также равнодушны к мирским утехам были Абд-аль-Мелик и Валид; Сулейман же и многие из позднейших его преемников даже не умели сдерживать своего влечения ко всякого рода удовольствиям. Невзирая, однако, на усиленное подражание чужеземной пышности, истинная цивилизация не сделала еще значительных успехов среди арабов; их жизни недоставало утонченности и изящества, которые самой испорченности в состоянии иногда придать некоторую прелесть; при дворе новых халифов неприятно бросалась в глаза смесь безумной роскоши в соединении с грубостью. Свежие, еще не пошатнувшиеся силы арабской природы пока выносили подобного рода дику разнузданность; хотя в Ираке, по крайней мере во время борьбы с хариджитами, уже выказались признаки изнеженности, и в самой опасной форме, а сто лет спустя ощущались, понятно, уже совершенно иначе. Одно только можно привести в извинение этой легкомысленной погони за мирскими утехами: вместе с языческой жаждой к развлечениям Омейяды и окружавшие их люди принесли в Сирию также и победно-радостную песнь, расцвет которой совпадал именно с языческим периодом. Подобно тому, как в прежнее время незначительные короли Хиры и Гассаниды, так и теперь халифы и наместники привлекали к своему двору выдающихся поэтов и осыпали их за блестящие строфы и искусные дифирамбы золотом и почестями; между тем и в среде воинов не исчез обычай превозносить песней себя и свое племя. Кайситы и кельбиты обменивались не одними только ударами: сыпались градом с той и другой стороны сатиры и оды. Племенное соревнование, положим, едва ли играло большую роль в данном случае, как бы возбуждая род поединка между соперничающими стихотворцами. В это именно время были вообще в большой моде поэтические турниры. Так, например, трое выдающихся поэтов: Аль Джарир, Адъ Фаразак, оба темимиты, и сирийский христианин Аль Ахталь, все прославившиеся своими великолепными одами в честь Омейядов, наполнили целые тома взаимными колкостями и сатирами. И в лагере набожных не ощущалось вначале недостатка в поэтических дарованиях, для которых, между прочим, достойным сюжетом служила мученическая смерть Алиа и его сыновей. Но суровая сдержанность господствующей теологической школы отвращается постепенно все более и более от искусства, редко находившего одобрение у пророка. Один лишь вдохновенный хариджит Катари пытается приноровить песнь к корану.

Однако все веяния, набожные и мирские, умела пока обуздывать рука халифа и его вице-короля. И силы великого государства, так долго раздираемые братоубийственной распрей, направляются Абд-аль-Меликом и Валидом по ту сторону границ на неверных. Начиная с 74 (693), первого после смерти Ибн Зубейра года, названного арабами вследствие исчезновения последнего претендента «годом воссоединения», подан как бы сигнал к воз-

обновлению наступательных движений во всех направлениях. Отныне начинается целый ряд внешних войн, поддерживаемых с большой энергией. Если не считать короткого перерыва во время восстания Абдуррахмана, арабы одерживают невероятные успехи, сражаясь почти безостановочно в Индии, с армянами, византийцами, в Африке и наконец в Испании. Никогда еще ислам не был столь близок к покорению всего мира. Если наконец должен был он отступить и одновременно с христианством спасены были зародыши западной цивилизации, то это прямая заслуга двух величайших героев тогдашней Европы – Льва Исаврийского, воспрепятствовавшего со всей энергией взятию Константинополя сарацинами (98=717), и Карла Мартела, положившего мечом предел дальнейшим успехам арабов во Франции (114=732). Битва при Туре и Пуатье запечатлелась навеки в памяти западных народов как избавление от необычайной опасности. При этом, однако, мы, неблагодарные, забываем про византийцев, так часто нами поносимых и презираемых. Между тем храбрая защита греками своей столицы избавила Константинополь и Рим, два центра христианства, от исламского потопа. Ввиду беспристрастной исторической оценки оба великих события одинаково важны. Для защиты всей совокупности европейских, родственных народностей от вторжения исконных неприязненных завоевателей, для охранения свободного развития народов Запада почти одновременно поставлены были две могучие преграды.

Пути, по которым Омейяды двинули снова вперед полчища мусульман для распространения скорее владычества своего, чем веры, обозначались очень определенно удлинённым географически протяжением государства. Более исключительно, чем как это водится ныне, необходимо было в те времена вести войну по преимуществу на суше. При самых даже благоприятных условиях флот лишь случайно мог тогда способствовать предприятиям, задуманным в широких размерах; нигде не мог он иметь решающего влияния. Вот почему одни только водные поверхности, образуемые Индийским океаном, Каспийским, Черным и Средиземным морями, составляли неодолимое препятствие для дальнейшего поступательного движения мусульман. Лежащая же между этими морями суша была замкнута, отчасти на восток и север, горными нагромождениями, кряжами Центральной Азии и Кавказа, а также раскинувшимися на большие пространства степями между озерами Балхаш, Арал и Каспийским морем; на юго-западе же колыхалось море песка большой африканской пустыни. Таким образом, оставались доступными для завоевателя лишь утесистые проходы в Индию, Туркестан и Малую Азию, а далее на запад – узкая береговая полоса Северной Африки. Выделяются поэтому три громадные арены, на которых разыгрываются в течение ближайших сорока лет главнейшие военные драмы: Индия, Афганистан и Туркестан – на востоке; Армения и Малая Азия – в центре; западная Африка с Испанией и южной Францией – на западе. Из них восточная лишена особого преобладающего значения. Здесь не пришлось арабам бороться с равносильным врагом. Громадное пространство Индии и климат ее, понудившие некогда Александра Великого повернуть назад, несравненно менее послужили препятствием многочисленным полчищам сынов пустыни, а дикая храбрость турецких племен, лишенная пока еще общего руководства, не могла долго выдержать против натиска хорошо дисциплинированных войск, направляемых к тому же искусными мусульманскими полководцами. Поэтому шло здесь движение просто и неизменно все вперед до тех пор, пока успехи на других театрах военных действий не препятствовали раздроблению сил халифата, а укрепленный Абд-аль-Меликом и Хаджжаджем порядок внутри государства не был еще нарушаем. Мы уже видели ранее, что Мухаллаб успел обложить данью все тюркские страны между Кабулом и Хивой, но возникшая вскоре междоусобная война, а затем возмущение Аб-дуррахмана дали возможность вновь завоеванным провинциям отделиться на некоторое время от ислама. Сын Мухал-лаба, Язид, назначенный с 82 (702) наместником в Хорасан, не уступал отцу по способностям, но обладал слабым характером. На недостижимой высоте могущества, на которую вознес Мухаллаб свой дом, приютился сын, погруженный в без-

деятельность. Окруженный почетом и прославляемый за рассыпаемые всем своим приближенным щедроты без конца, лишь в крайнем случае и на короткое время сбрасывал он с себя апатию и действовал энергически. Простой, строгий и бережливый Хаджжадж не мог, понятно, питать к нему доверие; к тому же наместник прямо-таки недоумевал, как можно покойно сложа руки сидеть на границе государства, имея в своем распоряжении несколько десятков тысяч годных к употреблению войск. В довершение всего Язид был на востоке представителем южных арабов. Кайсит Хаджжадж, хотя старался не преследовать их ради сохранения государственного спокойствия, считал все-таки целесообразным всеми способами препятствовать им занимать выдающиеся места. Поэтому в 85 (704) Язид был смещен.

Наместником Хорасана назначен был Кутейба ибн Муслим, кайсит по происхождению из племени Бахилы. Выдающееся дарование полководца соединялось у него с честностью и энергией. Со вступлением Валида в управление (86=705) Кутейба предпринял, опираясь на Мерв, целый ряд походов, покоряя одно за другим раздробленные мелкие тюркские княжества по ту сторону Оксуса. Последствием этих военных предприятий, сопровождаемых переменным счастьем, было занятие Пей-кенда (87=706), Бухары (90=709), Кеша (ныне Шехрисебз, 91=710), Самарканда (93=712), Хаваризма (Хива, 93=712); а в 94 (713) впервые мусульманские войска переправились чрез Сейхун (Яксарт, Сыр Дарья) и проникли в Фергану и Шаш (Ташкент). На основании довольно сомнительного, правда, источника дошло известие, что Кутейба проник даже в область Кашгара, но со смертью Валида в 96 (715) и со вступлением на трон Сулеймана происходят новые смещения наместников. Уже в 95 (714), несколько ранее своего повелителя, скончался Хаджжадж Новый властелин явно покровительствовал йеменцам, и сын Мухаллаба Язид снова водворился в Мерве, отличаясь по-прежнему блеском и расточительностью. Плохой ареной для его необузданной натуры могли служить суровые страны севера, реки которых представляли доселе невиданное арабами зрелище полного замерзания зимой. Захотелось наместнику хоть какой-нибудь деятельности, и он занялся покорением еще не побежденных на-родцев южного и восточного берегов Каспийского моря. К тому же области эти препятствовали свободному сообщению между Мидией и восточными областями. Успехи, одержанные им в Джурджане и Табаристане, были, однако, преходящего свойства и не привели к действительному укрощению воинственных горных племен, хотя в общем это рискованное предприятие кончилось с внешней стороны почетно: с жителями заключен был довольно сносный договор. Затем Язид не двигался более из Мерва, поглощенный единственной заботой выколачивания громадных сумм с жителей своих провинций. Он расточал их немедленно же с щедростью поистине княжеской, ведя неслыханно роскошную жизнь. И все тогдашние поэты пустились взапуски друг перед другом восхвалять дом Мухаллаба за его блеск и щедроты; государственные кассы пустели, но еще более страдали вверенные его попечению области. Омар II был вполне прав, когда отставил его в 100 (718) г. Беспременно меняющиеся наместники не сумели, однако, и в следующие ближайшие годы удержать завоевания, совершенные Кутейбой. Своеобразная политика Омара II чуть не заставила даже серьезно отказаться от всех завоеваний, сделанных за Оксусом. Следующий халиф, Язид II, вообще ни о чем особенно не заботился. Нет ничего удивительного поэтому, что начинал с 107 и по 120 (725–738) безостановочно следуют восстания за восстаниями, и все страны по ту сторону Оксуса, даже Балх и Герат, отторгаются от халифата. Лишь при более энергичном Хишаме удалось талантливому Насру ибн Сейяру снова отвоевать отпавшие провинции с присоединением к ним Ферганы и Шаша, но благоприятное положение дел продолжалось здесь, положим, слишком недолго. Быстро наступивший упадок династии Омейядов повлек за собой еще раз уничтожение господства ислама над тюркскими землями. При Аббасидах арабы успели только вернуть свои прежние завоевания и укрепиться здесь более прочно. Еще труднее, чем за Оксусом, приходилось мусульманам в нынешнем Афганистане. Хаджжадж удовлетворялся умеренной данью,

наложенной на кабулского тюркского царька. Эта в высшей степени пересеченная гористая местность внушала даже Кутейбе некоторое почтение к «проклятой сторонке». Со смертью Валида никто из полководцев, собственно, и не решался туда сунуться, и властелин Кабула в течение долгого еще времени мог безнаказанно считать себя ни от кого независимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.